

18+

Александр Меренов

*Дело
«на три
копейки»*

Александр Черенов
Дело «на три копейки»

«Издательские решения»

Черенов А.

Дело «на три копейки» / А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834584-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Середина 80-х. Канун перестройки. В городе Углегорске происходит череда жестоких убийств школьниц. Маньяк? Серийный убийца? Целенаправленная акция? Дело поручается старшему следователю одной из районных прокуратур Алексею Старкову. На каждом месте происшествия он находит улики, никак не стыкующиеся друг с другом. Некоторые из них, казалось бы, совершенно случайные, в конце концов, приводят следствие к невероятному выводу. К делу подключается областное управление КГБ: у него — свой интерес... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-834584-5

© Черенов А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	17
Глава четвёртая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	29
Глава седьмая	35
Глава восьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дело «на три копейки»

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2026

ISBN 978-5-4483-4584-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

— Товарищ старший следователь! Гражданин начальник!

Дежуривший по Углегорску старший следователь Октябрьской районной прокуратуры Алексей Семёнович Старков нехотя приоткрыл один глаз. Над ним с притворным участием и такой же подобострастностью в лице и голосе склонялась голова ответственного дежурного ГУВД майора Коновалова.

— Семёныч, «я пришёл к тебе с приветом рассказать, что солнце встало»!

Старков «жизнерадостно» покосился на окно, затем перевёл взгляд на часы.

— Твою ж мать: половина второго ночи! И, если ты, Михалыч, пришёл ко мне «рассказать, что солнце встало», то ты действительно «с приветом»!

— Вставай, вставай, Семёныч! Солнцу ещё можно покемарить, а тебе уже нет!

Широкое лицо майора ещё шире расплылось в добродушной улыбке.

— Только полчаса, как задницей прислонился! — продолжал сопротивляться Старков, и сам уже понимая, что «сопротивление бесполезно». — Побойся Бога, безбожник!

— Семёныч, там «делов» — «на три копейки»! Больше разговоров!

Старков приподнялся на локте и свесил ноги с раскладушки на пол.

— Поспал, называется...

Он принялся нащупывать ногами ботинки, стоявшие под раскладушкой. Наконец, нащупал, с болезненной гримасой на лице сунул в них ноги, и, охая, медленно встал.

— Ну?

— Обычное дело, Семёныч: «мокруха». Ничего особенного.

Продолжая «возвращение к жизни», Старков удручённо покрутил головой.

— «Обычное» и «ничего»... Ох, грехи наши тяжкие... Где... «обычное и ничего»?

— В Кировском! — добавил жизнерадостности дежурный. — Не у тебя — так что, успокойся! Говорю же тебе: «делов» — «на три копейки»! Да, какое, там, «на три копейки» — и тех не наберётся! По совести, там и делать не хрен! Ну, «честное пионерское»... падло буду! Съездишь, отбудешь номер... ну, там, протокол осмотра... понятые, свидетели... вся эта хрень — а утром передашь материал по территориальности! Да, что я учу аса следствия!

Коновалов «знал устав»: дежурный по городу следователь прокуратуры осуществлял первичные мероприятия на месте происшествия, и если это место не являлось «местом его жительства», передавал собранные бумажки прокуратурским из того района, которому «посчастливилось» обзавестись ещё одним трупом.

Конечно, по инструкции полагалось отчитываться перед городским прокурором, но после нескольких случаев бестолковой волокиты, которая «успешно повредила» расследованию «по горячим следам», решено было сразу передавать «макулатуру» по территориальности. Задачу упрощало то обстоятельство, что несмотря на дежурного по городу, на место в свой район всегда выезжали прокурор, следователь прокуратуры и тамошние «опера». Оно и понятно: им же работать по делу, потому что «кого гребёт чужое горе»?! А городской, чаще всего, лишь «отбывал номер», имитируя спросонья приступ трудового энтузиазма.

Уже всем стало понятно, что изначальная (теоретически) глупость городского прокурора и начальника ГУВД скоропостижно подтвердилась суровой практикой следовательского бытия. А как начиналось: общее собрание «следовательского актива» города, лозунги типа «всем миром — на преступный элемент», а также «кучей и батьку побить можно»!

Только не зря говорится, «торговали — веселились, подсчитали — прослезились». Воистину, благими намерениями дорожка, как правило, выстлана не в том направлении, куда стелили. Дежурный по городу лишь «отбывал повинность» — и всё по той же причине: кого

«гребёт» чужое горе! У каждого — «свои погремушки»! За «чужого дядю» никто «хомут волоочь» не собирался — свою криминальную ниву вовек не пожнёшь!

А как эта показуха «один за всех — и все за одного» вредила нормальной работе самого дежурного следователя! Ведь сразу же после сдачи дежурства — злым, уставшим и невыспавшимся — надо было ехать к себе в район, где ждали собственные «мокрухи», свидетели, обвиняемые и немереное количество дел. Нет, конечно, «по уставу» дежурный следователь в день сдачи дежурства по городу освобождался от работы у себя в районе на весь день, но кто её будет делать за него?!

Да и начальство сначала подсократило до четырёх часов «юрьев день», а затем и вовсе упразднило его: «государство от себя отрывает такие огромные деньги, а вы будете бездельничать?!». («Огромные деньги» — это сто тридцать рублей в месяц у начинающего следователя за круглосуточный рабочий день, без выходных и праздников! Как есть — «грабёж трудового народа» и несправедный отъём «цельного состояния»!)...

— Местные уже там, — словно подслушал мысли Старкова Коновалов. — Все: и прокурор, и следак, и «опера». А наши дожидаются тебя в «уазике». Заедете за судмедэкспертом — и «всего делов»!

Лицо Коновалова так и излучало энтузиазм. Понять его было несложно: мужику оставалось меньше семи часов до сдачи дежурства — и меньше полугода до пенсии. Поэтому он старался не высовываться с наказуемыми инициативами, не «лезть поперёк батьки», а спокойно отсидеть свои двадцать четыре часа, чтобы так же спокойно вернуть зад в это кресло через трое суток. Мужик уже «отбыл свой срок» «опером», участковым, даже следователем РОВД — и теперь не рвался совершать подвиги во славу общественного правопорядка. Отросшее за последние три года в кресле ответдежурного солидное брюшко было тому наглядным доказательством.

Уже взявшись за ручку двери, Старков бросил взгляд на часы.

— Мда, поспать теперь уже не удастся...

Его слова были «горькой правдой»: дежурство не задалось с самого начала, когда сразу же по приходу на дежурство он уже обслуживал первого клиента-висельника. Потом мертвецы шли косяком, и к полуночи их набралось уже полдюжины. Первый и единственный раз Старкову удалось прислониться задом к раскладушке только в час ночи, а через полчаса майор Коновалов уже «радовал» его перспективой очередного выезда на место происшествия...

В стареньком «уазике», который держался одним лишь энтузиазмом шоферни в вопросах «налогообложения коллег с гражданки» запчастями и бензином, уже собралась вся немногочисленная опергруппа. Старший «опер» ГУВД капитан Зарубин и эксперт НТО майор Павловский расположились на заднем сидении. Место рядом с шофёром по традиции доставалось дежурному следователю прокуратуры.

— «Доброе утро», Семёныч! — расхохотался Зарубин. — Давненько не виделись: наверно, с полчаса уж, как! Ты, небось, уже душой истомился по мертвякам!

— Смешно, — не улыбнулся Старков. — Ну — за потрошителем, что ли?

«Потрошителями» в шутку — и не только за глаза — иногда называли судебно-медицинских экспертов. Были, конечно, и другие «варианты» — даже непечатные, но теми потчевали или «любимых» экспертов, или, напротив, «нелюбимых».

До бюро СМЭ от ГУВД в дневное время ехать было минут десять: больше приходилось стоять на светофорах. Сейчас, ночью, «жёлтый глаз» давал «зелёный свет», дорога была чистая, «мёртвая», лишь изредка «оживляемая» одиноким такси. Поэтому доехали за пять минут. Судмедэксперт Царьков уже дожидался группу на крыльце у входа в бюро.

— И я всех рад видеть... снова, — буркнул он в ответ на притворно-сочувственную ухмылку Зарубина, который уже теснил задом Павловского, освобождая место для раздобревшего седалища Царькова.

— Поехали, — под хмуро сдвинутые брови махнул рукой Старков. Содрогаясь всеми престарелыми внутренностями, жалобно постанывая и скрипя, машина, словно пробуя на прочность и себя, и дорогу, осторожно отъехала от крыльца...

Глава вторая

Место, куда прибыла опергруппа, не относилось к престижным районам. Углегорск, даже будучи областным центром, и сам не относился к престижным городам, несмотря на славное прозвище «одной из главных кочегарок страны». Город вырос на угле и за счёт угля. Это и определило специфику всего, в том числе, и застройки: домишки барачного типа росли, как грибы-поганки, в непосредственной близости от шахт.

Со временем, уже в стороне от шахт и даже на значительном удалении от них, в городе, уже начавшем отдалённо напоминать таковой, стали возводиться роскошные «сталинские» дома и «объекты соцкультбыта». В дикой пустыне начали появляться бульвары, проспекты, аллеи, цветочные клумбы и даже бочки с квасом и пивом.

Но своеобразные «микрорайоны» остались почти нетронутыми, разве что им слегка «освежили» фасад. Город растянулся на площади почти в тысячу квадратных километров, но большую часть этой тысячи занимали пустыри, из-под которых уже вынули уголь и которые по этой причине изрядно просели, покрылись толстым слоем выступившей соли и зарослями горькой полыни, которая только и могла расти на этой мёртвой земле.

Эти пустыри являлись связующим звеном не только между разбросанными там и сям «шанхаями», но и между «субъектами административно-территориального деления». Один из таких пустырей и обрабатывал сейчас местом происшествия. Находился он на самой границе, разделявшей территории Октябрьского и Кировского районов. Одной стороной пустырь упирался в Октябрьский район, другой — в Кировский.

— Живописное место! — ухмыльнулся вечно неунывающий Зарубин. — Здесь бы только и жил!

Пустырь и в самом деле «радовал глаз», впечатляя не меньше декораций фильмов ужасов в чёрно-белом варианте. Здесь было всё, чего не было в центре: бытовые и промышленные отходы в немереном количестве, многочисленные провалы и плешины соляных выступлений, «обрамление» отвалами породы и даже собственное озеро, которое образовали шламовые стоки соседствующей с пустырём обогатительной фабрики. До ближайшего жилья, состоявшего из одноэтажных домиков на двух хозяев да нескольких ветеранистых землянок ещё времён первопроходцев, было не меньше полукилометра пешего ходу по натруженной колее.

В нескольких метрах от «расчихавшегося» напоследок «уазика» стояла представительная — человек десять — «группа товарищей», чуть раньше успевших познакомиться с «достопримечательностями» этого гиблого места. Старков знал их всех, и не один год: прокурор Кировского района, зам по оперативной работе Кировского РОВД, его зам — начальник ОУР (отделения уголовного розыска), тройка «оперов», кировский эксперт НТО, старший следователь Кировской райпрокуратуры. «Замыкал круг» весьма колоритный местный участковый, с которым Старков имел «несказанное удовольствие» близко познакомиться две недели назад, когда определялся по месту нахождения трупа очередного — в бесконечной череде — «лица без определённого места жительства».

Это были, если так можно выразиться, «чернорабочие борьбы за социалистическую законность». Разумеется, отметились присутствием и правоохранительная «белая кость» — куда без неё. «Вождей» представляли заместитель прокурора области, начальник следственного управления областной прокуратуры и начальник управления уголовного розыска областного УВД с парочкой своих гонористо-гоношистых и столь же бестолковых «оперов».

Присутствию начальства Старков не слишком огорчился: эта публика прибыла сюда «для галочки» и раздачи никому не нужных «ц.у.» из числа тех, с которыми студенты юрфака знакомятся ещё по учебникам криминалистики и вся «ценность» которых заключается в должностях персонажей, озвучивающих эти «ц.у.». Старков знал: минут через десять от demonstra-

ции начальственного гонора эти «асы оперативно-следственных мероприятий» свалят отсюда на своих персональных «Волгах», и никто уже не будет мешать «чернорабочим» делать свою «чёрную» работу.

Начальство и в самом деле недолго испытывало терпение «работяг», даже «перевыполнив план» в части норматива пребывания на месте: исчезло не через десять, а через шесть минут. В немалой степени этой «оперативности» поспособствовало появление Старкова: этого вольнодумца с пятнадцатилетним стажем работы следователем и областное, и городское начальство знало слишком хорошо для того, чтобы попытаться узнать ещё лучше — на свою голову и то, что пониже.

— Ну, вот и воздух стал чище, — подвёл черту под пребыванием руководства Зарубин. — Можно приступать к работе, товарищ младший советник юстиции?

Старков — он же младший советник юстиции — усмехнулся.

— Обижаешь аборигенов, капитан. Они уже работают. Это приезд «вождей» оторвал их от дела. Давай лучше поинтересуемся, что они тут «нарыли» и чем поделятся с «городскими бездельниками».

— Спаси, Христос, за добро и ласку, Семёныч.

К Старкову с протянутой для приветствия рукой подошёл майор Бессонов, кировский зам по оперативной работе. Старков уважал этого немногословного, невыпендрёжного и толкового «опера», с которым они неоднократно пересекались по работе, при этом никогда не пересекая друг друга пути.

— Здорово, Петрович. Ну, что тут у вас... у нас, я хотел сказать?

— Правильно сказал: у нас, — не слишком оптимистично махнул рукой майор. — Все сомнительные «лавры» — нам, Кировскому району. Вот, что мы имеем.

Бессонов скупым жестом пригласил Старкова познакомиться с главным персонажем этого действия: трупом. Старков молча подошёл к распростёртому в грязи телу. Тело было без признаков одежды и принадлежало девчужке лет пятнадцати-шестнадцати. Оно не только простиралось в грязи, но и было заляпано грязью: ночью прошёл дождь, и выбитыми из пустыря кусками грязи и слежавшейся угольной пыли дополнительно обработал труп.

Из влагилица трупа торчал кусок плохо оструганной палки.

— Как думаешь: зачем? — покосился на палку Бессонов.

Старков пожал плечами.

— Вариантов — масса, от убийства из мести до...

— Только ради Бога, не намекай на маньяка! — умоляюще сложил на груди руки Бессонов. — Этого счастья нам только не хватало!

— Так ведь вам уже и так перепало.

Бессонов помрачнел ещё больше.

— Намекаешь на связь тех трупов с этим?

«Теми трупами» «отрабатывали» четыре тела девчонок в возрасте от 14 до 16 лет, которые были обнаружены в Кировском и Советском районах — по два в каждом.

— Не намекаю: думаю.

— Что за «те трупы»? — заинтересованно подключился Зарубин. — Почему я не в курсе?

— А почему ты должен быть в курсе? — мрачно покосился на него Бессонов, который, будучи сангвиником, явно не симпатизировал холерику Зарубину — почти на манер Вани Пасюка из фильма «Место встречи изменить нельзя»: «Дужэ вин швыдкый, як той хвейер-верк!». — Это — наши покойники, а не городские. Мы сами их и «поднимали» — нам этот крест и нести.

— А какая связь между ними? — не отставал Зарубин.

— Да ну тебя! — раздражённо, как от назойливой мухи, отмахнулся от него Бессонов, отходя к своим «операм».

— Чего дуется?!

Зарубин и не подумал обижаться. В том числе, и за это Старкову, в отличие от Бессонова, нравился этот крепко сложенный, с явным северным загаром мужик. Всего за четыре месяца работы в городе Зарубин сумел «возвысить степь, не унижая горы»: стал своим и для простых «оперов», и для их начальников, никого не подсиживая — и никому не заглядывая в рот, не становясь ни на кого — и не опускаясь на колени.

— Я действительно не в курсе. Нет, я, конечно, слышал кое-что на оперативках, но город не подключали. Я и подумал, что это — рядовые «мокрухи», каких в Кировском, как и у вас в Октябрьском — как грязи. Какая связь?

Старков задумчиво выдул губы.

— На первый взгляд — никакой. Там, у всех четверых потерпевших вырезаны половые органы.

— Что ты говоришь?! — сокрушённо покачал головой Зарубин. — И ты думаешь, что это — одних рук дело?

— Похоже на то.

Заключение давал уже работающий с телом судмедэксперт. Спиной давал, даже не поворачиваясь лицом к сыскарям.

— Там и характер ампутации, и «манера письма», и причина смерти — все задушены удавкой — явно от одного товарища. Я сам и выезжал на те трупы, и вскрывал их — так, что можешь мне поверить, капитан...

— Причина смерти, говоришь...

Старков прищурил глаза, тщательно сканируя глазами шею трупа.

— Странгуляционная борозда — в наличии...

— Думаю, что и здесь смерть наступила от удушения удавкой, — согласно кивнул головой эксперт.

— А удавка?

Эксперт огляделся по сторонам и почти равнодушно пожал плечами.

— Мне не попадалась.

— Михалыч!

Старков приподнял над головой указательный палец правой руки, призывая к «соучастию» Бессонова.

— Твои орлы не находили удавки... или чего-нибудь похожего... верёвку, например?

Ограничившись полуоборотом, Бессонов отрицательно махнул головой. Старков вернулся глазами на эксперта, который заинтересованно крутил головой вокруг палки.

— Чего?

— Алексей Семёнович, можно извлечь эту палку?

— Валяй!

Эксперт двумя пальцами осторожно потянул за край палки. Старков и Зарубин дружно склонились над телом. Вытащив палку, всё ещё пребывая на корточках, Царьков приподнял её над головой. Вся нижняя часть дерева была в крови.

— В крови?

— А ты рассчитывал на сперму — и в таком же количестве? — буркнул Старков.

Эксперт провёл локтевым сгибом по лбу, пытаясь утереть пот.

— Да тут ещё ничего не ясно: было изнасилование, не было... Мазки из влагилица я, конечно, возьму, хотя...

Царьков с сомнением покрутил головой, а потом раздвинул большой и указательный палец правой руки и с расстояния условно измерил длину кровавого следа на палке.

— Сантиметров на двадцать вбита во влагилице. Намёк, что ли?

— На что? — заинтересованно «пробежал» глазами палку Зарубин.

— На размер члена в состоянии эрекции, — отработал за эксперта Старков. Зарубин озадаченно потрепал мочку уха.

— А чего ж не вырезал эти... половые органы?

— Кто его знает, — вздохнул Старков. — Может, решил разнообразить ассортимент услуг.

— А может, — подключился, рывком повернувшись к нему, эксперт, — это работал другой человек.

— Другой?

Зарубин озадаченно наморщил лоб.

— Ты хочешь сказать: подражатель? «Косит» под того, кто «завалил» тех четырёх девчонок?

— Может, и не «косит», — развёл руками Царьков. — Может, он сам по себе. Хотя — такой же зверюга... Алексей Семёнович, палку упаковать в полиэтилен?

— Пакуй.

— Правильно: там же могут быть отпечатки!

— В кино, — усмехнулся Старков. — На той части, что не торчала «в хозяйстве», есть кровь?

Эксперт даже не стал проводить «повторный осмотр».

— Нет.

— Ну, и какие мы тогда найдём следы? Этот вещдок — не для экспертизы, а так — для порядка... Кстати, насчёт следов?

Вопрос адресовался уже не эксперту, а «местным товарищам». На этот раз Бессонов не стал «дистанцироваться полуоборотами» и тут же подошёл к Старкову.

— Кое-что мы уже нашли, Семёныч. Вот.

В руки Старкова переключился полиэтиленовый пакет, содержимое которого составляли пластмассовая расчёска в форме голой девицы и гипсовый слепок с какого-то следа.

— Интересная штука, — усмехнулся при виде пикантной расчёски Старков. — Зэковский самопал?

— Представь себе — нет: чехословацкая, фирменная.

— А слепок?

— С кроссовки, тоже чешского производства. Большая часть букв от заводского клейма отпечатались хорошо, так что наш эксперт уже безошибочно прочитал: «Made in Czechoslovakia». А...

— Алексей Семёныч, я тоже кое-что нашёл!

Дрожащим от возбуждения голосом Царьков перебил Бессонова.

— Что именно?

Эксперт протянул Старкову металлическую пуговицу с обрывками ниток.

— Где нашёл.

— Была зажата в левой ладони!

Царькова так и распирало от возбуждения и гордости за свой неожиданный «оперативный талант».

— Я заметил, что рука у неё сжата почти в кулак. Ну, подумал... ну, иногда там находишь клочок вырванных волос... там, эпидермис... кровь преступника. Разжал ладонь — и вот... Только я уже её в руках подержал...

Виноватое выражение на лице эксперта немедленно заступило на спину торжеству.

— Ничего, с — добродушной усмешкой похлопал его по плечу Старков. — Если ты опять — насчёт следов, то можешь не беспокоиться: их на таких предметах находят только в глупом кино... Любопытная вещичка... Ты не находишь, Михалыч?

Бессонов на мгновение склонился над пуговицей.

— Любопытной я нахожу её только в одном смысле: от кого она? А так... Обычная пуговица с милицейского кителя. Не с парадного: с повседневной формы.

— Мда, дела...

Старков задумчиво обработал ладонью подбородок.

— Только маньяка-милиционера, а хоть и ревнивца-милиционера, нам не хватало...

Медленно, словно в забытии, он перевёл взгляд на тело и лицо его вытянулось.

— Твою ж мать: «слона-то я и не приметил!».

— Какого слона? — честно «не въехал» Бессонов.

— Личность потерпевшей установлена?

Бессонов неожиданно начал крутить головой по сторонам, словно потерял кого-то и не мог найти.

— Ты чего, Михалыч?

— Куда девался участковый? — «без отрыва от производства» пробормотал майор. — Это же он нашёл труп... Иванов! Лейтенант Иванов!

«Как аукнется — так и откликнется», а также «Стучите — и отворится вам». И народная мудрость, и Христос в который уже раз оказались правы: через минуту, а то и меньше, откуда-то из ночи, с части пустыря, «пограничной» с Октябрьским районом, появилась долговязая фигура. Распознать в ней участкового Иванова не составляло труда: другого такого нескладного размера ни среди присутствующих, ни в штате УВД не значилось.

Это был рыжеволосый детина с рябым лицом и нестриженными патлами, вечно торчавшими во все стороны из-под форменной фуражки. Сколько замечаний на строевых смотрах он получил за «нарушение формы одежды» — «а воз и ныне там», и веки ему там и надлежало быть! И, если этот участковый и был личностью, то лишь той, о которой говорят: «та ещё личность!».

Старков лишь однажды встречался с этим персонажем, но и одной встречи персонажу хватило для того, чтобы произвести впечатление на «городского». Впечатление было однозначно негативным, но незабываемым. Второго такого «красавца» Старков видел много лет назад, когда проходил действительную срочную в армии.

И этот был «ещё тот»: недалёкий, нерасторопный, ленивый и неряха. Когда надо было говорить, он молчал. Когда надо было идти, он стоял. Когда надо было думать, он моментально обзаводился «коровьим взглядом» и ковырял пальцем в носу. «Думал», одним словом. Когда надо было делать, он, не прилагая никаких усилий, только за счёт «коровьего взгляда» моментально «изыскивал резервы» в лице тех, кто больше не мог ждать «начала процесса».

За это его «прикладывали» все, кому не лень, но ни у кого из начальства не поднялась рука подписать приказ об увольнении: мужик был глуп, но простодушен. Зла он никому не делал — потому что ничего не делал. За него всё делали другие, поэтому вреда от него было немного. Вообще не было. Недаром после встречи с ним Старкову вспомнилась строка из «Федота-стрельца» актёра Леонида Филатова: «А у нас спокон веков нет суда на дураков!». (Отрывок из сказки на листе обычной пишущей бумаги с машинописным текстом, исполненным на допотопной «Москве», Старкову «достали» вслед за таким же «самиздатом» с эпиграммами Валентина Гафта).

И только однажды Старкову почудилось или в самом деле он это заметил, как только что «безмозглые» глаза участкового на мгновение обзавелись злым, умным и насмешливым взглядом. Поэтому Старков не исключал того, что участковый Иванов просто «вошёл в образ» и не собирался выходить из него: ведь «у нас спокон веков нет суда на дураков!». Никто же не видел, каким он был за пределами милицейской формы. А он взял — да и соединил в своём лице Иванушку-дурачка и Емелю из сказки «По щучьему велению».

Невероятно, но по паспорту звался он Емельян Иванович Иванов. По имени и отчеству — едва ли в честь Емельяна Ивановича Пугачёва. А, если и в честь, то в контексте установки

крестьянского вождя «Хоть день — да мой». А, может, давая ему имя, родители рассчитывали на то, что ему когда-то «поблазнит» заветная шука — хотя бы в объёме трёх желаний...

— Где тебя черти носят? — ещё на подходе «приветствовал» Иванова Бессонов. — А это что у тебя: вешдок?

Народ, собравшийся вокруг майора, расхохотался: на руках у лейтенанта уютно расположился огромный, чёрный, с белым «воротничком» и подпалинами на лапах, котяра.

Иванов потупился и шумно потянул носом, подтягивая к ноздре выпавшую из неё зелёную соплю.

— Да, вот, слышал... мяукает... Ну, я и...

— Нашёл главную улику? — продолжал усердно «вытирать ноги» Бессонов. — В одиночку раскрыл преступление?

Так как ответом было вполне ожидаемое повторное шумное затягивание сопли, Бессонов лишь раздражённо махнул рукой.

— Ладно! Это ведь ты нашёл труп?

Иванов с невероятно идиотским выражением на лице молча кивнул головой.

— Ну, и чей это труп? Ты знал его обладателя?

Не отвечая на вопрос, участковый вернулся к обслуживанию сопли.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Я близко не подходил, — горестно вздохнул Иванов.

— Так подойти сейчас... твою мать!

Участковый боком, медленным шагом приблизился к трупу и, не наклоняясь, принялся обозревать его с высоты своих метр девяносто. Обозревал он неспешно — как и всё, что делал или не делал.

— Ну?! — не выдержал Бессонов.

Иванов вытянул губы, отчего стал ещё больше похож на безнадёжного клиента психиатрического стационара.

— Кажись... это... Танька Котова. Я её по коту узнаю...

— По кому?!

Глаза у Бессонова честно полезли на лоб.

Иванов в ответ пальцем ткнул в загривок кота.

— Ихний кот. Такой жирный и чёрный... с белым — только у их.

— Лейтенант, ты кота на пустыре нашёл или с собой принёс? — подключил и свои «ноги» Старков.

— На пустыре, — почему-то даже не задержался с ответом Иванов. — Вон там.

И он указал рукой на «пограничную полосу» между районами.

Старков неожиданно перестал усмехаться. Глядя на него, оставил «работу ногами» и Бессонов.

— Ты хочешь сказать, Семёныч, что...

— Девчонка слышала мяуканье кота и пошла его искать.

Задумчивый взгляд Старкова ушёл куда-то вбок.

— Этого наш инкогнито и добивался...

— Заманивал? — включился Зарубин.

— Похоже на то. Кот, скорее всего, был заранее на время «приватизирован». И, если это так, то убивец знал заранее и то, что кот убегает из дома, и то, куда он убегает, и то, где его будут искать...

— Заранее спланированное убийство?

Бессонов побледнел: такого рода «мокрухи» годами «висели», и не только нераскрытыми, но и пудовыми гирями на авторитете уголовного розыска. Старков сочувственно похлопал майора по плечу.

— Ладно, Михалыч, не умирай прежде смерти... Лейтенант, знаешь, где эти Котовы живут?

— Знаю.

— Веди.

Иванов в очередной раз замялся.

— Ну, что ещё?

— Так их... это... дома нет. На работе... наверно.

— Ладно, проверим, Семёныч! — расстроенный перспективой «висяка», махнул рукой Бессонов.

— Ну, тогда...

Старков бросил взгляд на часы.

— Пора заняться протоколом. Иванов... Хотя, оставить! Михалыч, пригласи понятых!

За полчаса — и глаз намётан, и рука набита — Старков изготовил протокол осмотра места происшествия. Оставалось только дать его на подпись понятым, как вдруг...

— Семёныч, я ещё кое-что нашёл!

Зарубин приподнял над головой полиэтиленовый пакет.

— Что именно?

Капитан быстрым шагом подошёл к открытой дверце «уазика», в чреве которого Старков оформлял протокол.

— Вот, взгляни!

В маленьком полиэтиленовом пакете лежали два окурка: один — от сигареты, другой — от папирос «Беломорканал».

— Гляди, Семёныч: у «беломорины» — характерно смятая гильза!

— Характерная для большинства тех, кто курит «Беломор», — покривил щекой Старков. — Я сам точно так же сминая гильзу, чтобы крошки табака не сыпались в рот вместе с затяжкой. Ну, и что?

— Да ты что, Семёныч?! — обложился руками Зарубин. — Как говорится, нешто я на тебя грешу?! Я... «вообще»!

— «Вообще»...

Старков ещё раз обежал взглядом окурки.

— А тебе не кажется, капитан, что окурки — слишком чистые и сухие? И это — после дождя, который хлестал весь вечер до полуночи?!

Зарубин озадаченно наморщил лоб.

— Чёрт его знает, Семёныч... Вообще-то я нашёл их под куском коры. Толстый, такой, кусок. Наверно, его ветром понесло, он зацепился за мусор — и накрыл собой окурки.

— Оба — в одном месте? — недоверчиво покачал головой Старков. — Слишком хорошо для того, чтобы быть правдой... И вообще: слишком много вещдоков. И все какие-то... от разных людей... Знаешь, мне как-то тут довелось прочитать один польский детектив. Называется он «Слишком много клоунов». Вот так и здесь: слишком много улик... Да ещё таких разношерстных... Да, тут придётся всерьёз разобраться...

Старков дописал в протокол пару строк о найденных окурках, дал его на подпись понятым, упаковал вещдоки и быстро набросал «сопроводилку» Кировскому прокурору. Формально это было нарушение инструкции: всё наработанное на месте происшествия требовалось передать городскому прокурору, чтобы тот, уже в свою очередь, «спустил» это своей «сопроводилкой» и со своими «указивками» прокурору Кировского района. Но, «хлебнув» от областного начальства за верность формализму, «городской» признал, хоть и не сразу, оперативную передачу материалов — сразу районному прокурору.

— Пётр Петрович!

— Аюшки! — отозвался из своего «Москвича-412» (дар «области» районным прокурорам) Кировский прокурор.

— Примите в дар, так сказать, от чистого сердца!

Шумно отдуваясь, «кировский» нехотя выбрался из машины и укоризненно покосился на Старкова.

— Хороши шутки, Алексей Семёныч... Ладно, давай...

Прокурор расписался на втором экземпляре, сделанном под копирку, и, тяжело вздыхая, побрёл к «Москвичу». На дорожку посочувствовал Бессонову шлепком по плечу, Старков посмотрел на часы.

— Половина пятого. Может, удастся ещё с полчаса покемарить...

— Хрен тебе, а не полчаса! — не замедлил обрадовать начальство пожилой шофёр «уазика». — Только что по радиации передали: висельник в Советском. Так, что, собирайся в дорогу, Семёныч... Не знаю, как и доедем: бензин — на нуле... Хоть на себе вас вези!

— В следующий раз так и будет! — как всегда, «оказался на месте» неунывающий Зарубин. — Ещё раз так «обрадуешь» — точно на себе повезёшь!.. Кстати, Семёныч, я тут немного задержусь: подсоблю местным мужичкам. Надеюсь, висельник не обидится на меня за то, что я не почтил его, так сказать, личным присутствием?

— Надейся, — нахмурил брови Старков.

— А ты? Не возражаешь? Поладишь там без меня с товарищем мертвецом?

— Чего ты у меня спрашиваешь? — вздохнул Старков. — Я тебе не начальство. Считаешь нужным — оставайся: управимся и без тебя... Ладно, поехали. Сон, как я понимаю, на сегодня отменяется и переносится на завтра...

Глава третья

До утра, как и «предписывалось уставом», Старкову не удалось не только сомкнуть глаз, но и хотя бы на минуту притронуться мягким местом к раскладушке. Не в переносном смысле: в буквальном. До половины девятого, не заезжая в ГУВД, Старков с одного места происшествия тут же «десантировался» на другое. Но этим «программа дня» ещё не была исчерпана, хотя сам Алексей Семёнович узнал о «постигшей» его «удаче» лишь по прибытию в «родные пенаты».

Не заезжая домой и едва успев сполоснуть руки и лицо водой из родника на последнем выезде, Старков отправился на работу. (Дежурство по городу таковой не считалось — как минимум, районным прокурором). Едва переступив порог кабинета, Алексей Семёнович был приглашён заведующей канцелярией к прокурору Петру Васильевичу. И так как вызов состоялся рано утром, то Пётр Васильевич «приглашали» явно не «на чай».

Даже не поинтересовавшись у старшего следователя, как прошло дежурство (чего интересоваться, когда не своё?!), Пётр Васильевич сходу развёл руками — почему-то с удручённым видом.

— Такие, значит, дела, Алексей Семёныч...

— Не понял, — не погрешил против истины Старков. Зная склонность Петра Васильевича к систематическому падению духом по любому поводу и без оных, настораживаться он не спешил.

Но и прокурор не спешил «колоться».

— У тебя сколько дел в производстве, Алексей Семёныч? — издали зашёл он на старшего следователя.

— Неужели хотите облегчить ношу?! — позволил себе усмехнуться Старков.

— И, всё-таки, сколько? — не сдавался обычно сдающийся и без команды прокурор.

— Пятнадцать. Из них четырнадцать пойдут в суд: пять — в областной, девять — в районный. Одно буду прекращать за отсутствием состава преступления.

— Хм... хм...

«Застенчивость», перманентно присущая прокурору, начинала явно «выходить из берегов». И Старков не замедлил поинтересоваться причинами — в свойственном ему духе.

— Пётр Васильевич, что-то случилось? К нам едет ревизор? Инкогнито и с секретным предписанием?

Прокурор, не самый большой знаток изящной словесности, но когда-то в школе «проходивший» Гоголя, слабо улыбнулся.

— Нет, Алексей Семёныч, ревизор нас пока...

— Объехал стороной?

— Ну, да... То есть... В общем, то дело, на которое ты выезжал вчера... то есть, сегодня ночью...

— Какое именно? — насторожился Старков: «девичья застенчивость» прокурора начинала ему нравиться всё меньше и меньше. — Я за дежурство обслужил восемь мест происшествия. Какое из?

Дрожащими больше, чем обычно, руками Пётр Васильевич начал перекладывать бумажки с одного края стола на другой. В иное время Старков посмеялся бы в душе над «амплуа грузчика», которого Петру Васильевичу обычно хватало на весь день, но сейчас как-то не достало настроения. Поведение прокурора — извечного труса и паникёра, хотя и неплохого человека (глубоко в душе) — ему нравилось всё меньше и меньше.

Наконец, Пётр Васильевич закончил «перемещение грузов», организовав на столе ещё больший беспорядок, чем тот, что был до «времени «ч».

— Нет, то... кировское дело... с убитой девочкой.

Старков честно удлинил лицо.

— А что там не так?! Я «исделал» все положенные мероприятия, собранный материал сопроводилвкой передал кировскому прокурору, указал «светлый путь» кировским «ментам» — чего ещё?

— Хм... хм...

— Пётр Иванович, — не выдержал Старков, — как говорил один персонаж в романе Шолохова «Тихий Дон»: «Замахнулся — бей!».

Продолжения в русле романа: «И вдарю!» не последовало, но прокурор неожиданно сократил дорогу к правде — и «пошёл на чистосердечное признание».

— Это дело передали нам, Алексей Семёныч...

— Как это нам?!

Нет, Старков не остолбенел от удивления — такая реакция присуща героям романов — но формат его лица явно претерпел ещё большие изменения.

— С какого хрена, Пётр Васильевич?!

— По территориальности, Алексей Семёныч, — ещё дальше увёл глаза прокурор.

Старков не выдержал и хмыкнул.

— А что, Пётр Васильич, за ночь произошли изменения в административно-территориальном делении районов?! Теперь этот пустырь добавит нам километража?!

— Я бы и сам пошутил, — погрешил против истины прокурор: шутить он не умел с рождения, — да...

— Заратустра не позволяет? — мрачно пошутил за начальство Старков.

С Заратустрой Пётр Васильевич явно не был знаком, чему доказательством был неожиданно заинтересованный взгляд его печально-тусклых глаз.

— Нет, Алексей Семёныч, этот... как его...

— Заратустра.

— ... Да... он тут ни при чём.

Пётр Васильевич по-мальчишески шмыгнул носом.

— Оказалось, что убийство совершено на нашей стороне пустыря...

— А потом его «в качестве рождественского подарка дражайшему патрону» перебросили нам?

Старков шутил, но с каждой шуткой всё менее энергично: постижение неизбежного плохо влияло на нервные окончания и мышцы лица.

— Угадал, Алексей Семёнович.

— И кто же нам так удружил? — разом помрачнел лицом Старков: шутки кончились, несмотря на весь их традиционно неисчерпаемый запас.

— Какой-то За... Замятин?.. Загладин?.. Щас я погляжу...

Прокурор нырнул головой в сооруженный им ворох бумаг и извлёк из него тоненькую папку в красной милицейской обложке.

— Вот: Зарубин.

— Зарубин?!

Старков пробежался ладонью по заросшему подбородку: побриться намеревался у себя в кабинете, старенькой электробритвой «Бердск».

— И каким же образом он это установил?

Вместо ответа прокурор протянул Старкову тоненькую папку.

— Сам взгляни, Алексей Семёнович.

Дельце — таковое лишь по причине исключительной худобы — состояло из старковского протокола ОМП, постановления о возбуждении уголовного дела, предельно лаконичных протоколов допросов судмедэксперта Царькова, эксперта НТО ГУВД Павловского, участкового

Иванова и старшего уполномоченного УУР ГУВД капитана Зарубина. К делу были приложены схема и фотографии с места происшествия. Заключало постановление о передаче дела по территориальности и «высочайшая» резолюция городского прокурора формата «Да будет так!».

— Неплохо для одной ночи и кусочка утра, — сквозь зубы и скрежет зубовой одобрил коллег Старков. — Хотя сразу видно то, как ребята торопились избавиться от дела... Мда... Ну, и в чём тут сознался капитан Зарубин?

Протокол допроса Зарубина, как и остальных «фигурантов», уместился на одном листе стандартного прокуратурского бланка допроса свидетеля. Чувствовалось, что показания минимизировались и закреплялись только с одной целью: в ударные сроки «осчастливить» коллег из Октябрьского района.

Старков быстро пробежал глазами лист. Зарубин показал, что, разрабатывая версию старшего следователя Старкова о заранее спланированном убийстве, он, дождавшись рассвета, решил осмотреть ту часть пустыря, откуда участковый Иванов принёс кота погибшей девочки. Предварительно Иванов сориентировал его по месту.

— Это Иванов-то сориентировал? — вслух усмехнулся Старков. — Ну, надо же, какой прогресс! Да его самого надо ориентировать, и не только по тому месту, а и по месту в жизни! Не иначе, как теперь Иванова переведут в «опера», а заодно из дураков в умники — за проявленную смекалку!

Лаконично «восхитившись» Емельяном Ивановичем, Старков вернулся к материалам дела. Далее Зарубин показывал, что в радиусе нескольких метров от указанного Ивановым места нахождения кота он заметил бурые пятна на земле. Они тянулись прерывистой цепочкой в сторону той части пустыря, где был обнаружен труп девочки. Образцы почвы с бурыми пятнами на них были доставлены следователем прокуратуры Кировского района в бюро СМЭ для проведения судебно-биологической экспертизы, и там выяснилось, что это — кровь, по группе совпадающая с кровью потерпевшей.

— Быстро! — покачал головой Старков. — И кровь это, и группа крови известна... Слишком быстро! «В мирное время» на установление того и другого уходят дни!

В заключение Зарубин нашёл на октябрьской стороне пустыря окровавленные женские трусики с инициалами с внутренней стороны «Т.К.». Будучи предъявлены на опознание матери потерпевшей, они были опознаны как принадлежащие её дочери.

— А где протокол опознания?

Старков быстро перелистал худосочное дело: протокол отсутствовал. Вероятно, трусами лишь помахали перед лицом: обычная милицейская безалаберность формата «И так сойдёт, а кому шибко надо — пусть переделывает!». А «товарищи из Кировского района» так спешили «перевесить хомут со своей шеи на чужую», что не удосужились даже составить опись документов, не говоря уже о протоколе опознания.

Старков закрыл папку и положил её перед собой на приставку к двухтумбовому начальственному столу, за которым, сгорбившись и вдавив голову в плечи, совсем не по образу и подобию высокого начальства «восседал» прокурор.

— Ну, что скажешь, Алексей Семёнович? — дрогнул голосом Пётр Васильевич.

Старков развёл руками.

— А что тут скажешь? Не пойдём же мы опровергать эти факты и клянчить у «города», чтобы дело завернули обратно в Кировскую... Дело сделано... Ну, в том смысле, что оно теперь у нас, и нам от него не отвертеться... Хотя кировские могли бы и объединить дела: у них ведь — два почти аналогичных трупа... И чем городской прокурор думал, хрен его знает...

Неожиданно он покачал головой, которая уже обзавелась миной недоумения.

— Непонятно только, зачем такие маневры?! Кому понадобилось перетаскивать труп из одного района в другой?! С какой целью? Казалось бы, не один ли хрен, на какой части одного и

того же пустыря будет найден труп?!.. Значит, не один... Я — в смысле хрена... Значит, и цель была. Только не могу понять, какая. Если хотели подбросить труп нам, зачем перетаскивать его на кировскую сторону? Непонятно...

— Ну, вот, Алексей Семёнович, и разбирайся! — внезапно «ожил» прокурор — даже лицо его, пергаментного цвета, слегка порозовело. — Тебе, как говорится, и карты в руки!

— А почему мне?!

Старков явно не спешил разделять энтузиазм начальства.

— На этой неделе по району дежурит Мешков, так что все покойники — его «добыча». Вот ему и карты в руки! Я тут при чём?! Тем более что у него в производстве всего четыре дела, и в суд пойдёт — если, конечно, пойдёт — только одно! Да и то — районной подсудности! Нет, Пётр Васильевич, Вы как хотите, а я несогласный!

— Алексей Семёнович...

Прокурор с комбинированным выражением на лице: растерянность плюс смущение — вывернул ладони рук «наизнанку».

— Ну, ты же знаешь, что из Мешкова следователь — как из меня...

— Балерина? — с сумрачным видом пришёл на помощь Старков.

— Во-во! Он уже «запорол» те три простеньких дела, все с судебной перспективой — что, уж, тут говорить за это дело! «Запорет», как пить дать! Оно ему не по зубам... и не по мозгам, Алексей Семёнович! Ну, сам подумай! Да и ты, как-никак, уже в курсе этого дела! А, Алексей Семёнович?

Старков укоризненно посмотрел на прокурора и покачал головой.

— Эх, Пётр Васильич, Пётр Васильич... Верёвки Вы из меня вьёте, ездите Вы на мне верхом — вон, и ножки свесили...

— Не погуби...

— ... отец родной? — с кривой усмешкой, весьма далёкой от оптимистичной, закончил Старков. — Ладно, Пётр Васильевич: с Вас магарыч...

Зажав подмышкой папку и притворно проседая под её «тяжестью», Старков покинул кабинет прокурора. «Жить становилось лучше, жить становилось веселее»...

Глава четвёртая

Вернувшись в свой кабинет, Старков открыл сейф и забросил папку на нижнюю полку, куда традиционно определял «наследство потомкам» дополнительно к «глухарям» двадцатилетней давности, перешедшим ему — и тоже по наследству — от прежних обитателей кабинета. Папку он туда определил не потому, что ей не нашлось бы места среди «живых» дел полкой чуть повыше. Старший следователь «печёнкой» чувствовал, что дело об этой... мертвецке — само из категории «неживых». Конечно, всю необходимую макулатуру он соберёт — но и только...

Минут десять «печёнка» давала о себе знать, пока, наконец, Старков не докурил вторую за эту «декаду» «беломорину» и не извлёк из недр сейфа подвергнутое опале дело. Это было явным свидетельством «реабилитации» и «возвращения к жизни» красной худосочной папки.

Не открывая её — «плавали — знаем, чай, не роман!» — Алексей Семёнович покрутил диск громоздкого допотопного телефона, вероятно, ещё «сталинского розлива».

— Прокуратура Кировского района? Мне бы старшего следователя Юна.

— Да будет тебе, Семёныч, — виноватым голосом и очень громким басом — одно из немногочисленных достоинств сталинского аппарата — отозвалась трубка. — Я бы и сам «поблагодарил» любого за такой «подарок»... Но, честное слово — это всё Зарубин! Я уже принял дело к производству, когда он решил заделаться этим... землепроходцем!

— Да я не за тем звоню, Володя, — подобрел голосом Старков, — чтобы «выразить тебе благодарность».

— Слушаю тебя, Семёныч!

Голос на том конце провода мгновенно исполнился оптимизма и даже радости. Так всегда бывает, когда «чует кошка, чьё мясо съела», пусть даже ситуация и отличалась от классической.

— Володя, те две убиенные на вашей «подшефной» территории... ну, с вырезанным «хозяйством» — твоё «достояние»?

— Моё...

Энтузиазм в голосе Юна исчез так же быстро, как и появился. Чувствовалось, что «достояние» уже изрядно «достало» «удостоенного».

— Не поделишься?

— Хочешь объединить в одном производстве?! — повторно ожил Юн.

— Нет, — рассмеялся Старков, — всего лишь прошу тебя «исповедаться».

— А-а-а...

И кировский «старшой» опять «умер». На разговор «наступила» короткая пауза, за которой наследовал протяжный горестный вздох.

— Ну, что тебе сказать, Лёша... «Висяк» и «глухарь» — самые подходящие слова для определения текущего состояния на текущий же момент.

— Неужели — ничего? — тоже «обрадовался» Старков.

Предваряя ответ, Юн дополнительно «обнадежил» контрагента вторичным горестным вздохом. Этот момент «тризны» по себе и по делу завершился звуком, даже по телефону идентифицируемым как громкая совместная работа носа и носового платка.

— Ну, как тебе сказать...

— Говори, как есть!

— Ничего, кроме трупов, Семёныч. Мы даже не нашли вырезанное... э...э...э... «хозяйство».

— А что вырезали?

— Как сказано в заключении судмедэкспертизы, удалены большие и малые половые губы. Хирургическим путём.

— Хирургическим?

Лицо Старкова немедленно обзавелось «потусторонним» выражением. Он даже на несколько секунд отнял трубку от уха.

— Это интересно.

— Ничего интересного, Семёныч!

Даже по телефону было «видно», как визави на том конце провода «раздражённо махнул рукой».

— Мы сначала тоже ухватились за эту «мульку». Ну, думаем — след, какой-никакой: маньяк имеет отношение к медицине.

— Ну, и?

— Ну и ни хрена!

Злость Юна на безнадёгу уже «выходила из берегов».

— В городе — четыре клинических больницы, восемь поликлиник, чёртова уйма травм-пунктов — и везде работают хирурги! И везде — не в количестве одной штуки! А ещё — медицинский институт с хирургическим факультетом, институт пластической хирургии, четыре морга с патологоанатомами, судебно-медицинский морг, бюро судмедэкспертиз...

— Ты и бюро включил?!

Старков не столько удивился, сколько насторожился: что-то чего-то в этом «чём-то» было.

— «На радостях», — усмехнулся в трубку Юн. — А потом «один знакомый дяденька» сказал мне, что список-то — неполный. Оказалось, что сюда надо включить ещё и работников мясокомбината, работающих на разделке туш, и мясников из магазинов, и их коллег из «Рыбохолодильника», и уголовный элемент, отметившийся и не отметившийся «художествами» по этой линии, и мастеров художественных промыслов: резчиков по кости, по дереву — даже по металлу! И всё это — не только по городу, но и по области!

Трубка устало вздохнула.

— Хорошо ещё, что сразу отвергли версию гастролёра, а то сколько бы ещё «счастья привалило»... Но и так, Семёныч — больше тысячи рыл! Больше тысячи — и ни на кого ровным счётом ничего! А ведь «насобачиться» так резать письки может и любой обыватель — было бы желание... в том числе, и половое.

Старков хмыкнул в трубку: хорошо закруглился визави. Но этим «радости жизни» и заканчивались.

— Но макулатуру-то собираете?

— А как же, Семёныч! — тут же ожила трубка. — Как говорится, «план по валу — вал по плану»! Работаем на объём, не щадя ни чернил, ни бумаги! Уже на третий том замахнулись! Начальство очень довольно всем... кроме результата.

Старков коротко хохотнул: даже унывая, Юн не унывал, а если и унывал, то как-то жизнерадостно, «неунывающим макаром».

— Ладно, Володя, считай, что я тебя исповедал... На дорожку — парочка махоньких вопросов: что-нибудь при осмотре нашли?

— Ничего. Ни единой бумажки, ни единой какашки. Я уже скромно молчу о следах. Никто ничего не видел, ничего не слышал. Так что с твоим... теперь уже твоим делом — полная нестыковка. Это у тебя — чёртова уйма разношерстных вещдоков, а у нас — «хрен ночевал — рано вышел». Да и работа с трупом не стыкуется: палка в дырке, передислокация из района в район...

Трубка на мгновение «задумалась».

— Мне кажется, Семёныч, что это — разные дела, и делали их разные люди... в смысле: нелюди. Никакой связи. Ну, кроме того, что и наши трупы и твой найдены в депрессивных районах, на значительном удалении от жилья.

— На маньяка не грешишь, Вова? — дополнительно «обрадовал» коллегу Старков.

— Типун тебе на язык, Лёша! — тут же «перекрестилась» трубка. — Только этого удовольствия нам и не хватало... Да и в убийствах — никакой хронологии, никакой «луны»... На всякий случай — для макулатуры — мы, конечно, сделали запросы и по месту, и в республику, и в Москву.

— Уже получили отписки? — «восторгнулся» собеседником Старков.

— А то!

Некоторое время оба молчали. Наконец, Старков первым — и не слишком оптимистично — вздохнул в трубку.

— Ладно, Володя, спасибо за информацию.

— Да, какая, там, информация! — опять «махнул рукой» Юн.

— К размышлению, — на удивление серьёзно парировал Старков. — Я пока ещё «не въехал», но чувствую, что мы топчемся... хм... на правильном пути.

«Оттуда» коротко хохотнули.

— В точку, Семёныч: топчемся на правильном пути!

— Тогда пожелаем друг другу побыстрее дотоптаться до точки... но не «до ручки». Будь здоров, Владимир Петрович.

Старков положил трубку. В этот момент лицо его не носило на себе ничего «шерлок-холмсовского»: наличие дедуктивных способностей парировалось отсутствием «точки приложения». Не было её, этой «точки». Но курево было — и Старков запалил «беломорину» из почти добитой за ночь пачки. Погрузившись в облако дыма, он, в отличие от героя Конан Дойла, теперь уже окончательно не рассчитывал на то, что «вверенное» ему дело окажется «делом на одну трубку». Поэтому оставалось не морочить себе голову и так не спешащими в неё досужими мыслями, а просто наслаждаться привычным с армии «смертельным ядом» от ленинградской табачной фабрики имени Урицкого...

Глава пятая

Убийство отнесли к Октябрьскому району, но отнести туда же место обнаружения вещественных доказательств и место жительства действующих и потенциальных фигурантов «доброжелателям» из Кировского района не представлялось возможным. Именно поэтому Старков немедленно запросил кировских сыскарей по поводу их «улова» и «прочих земляных работ, исполненных носом и рогом».

Ребятки честно — и даже с превеликим удовольствием: сбывали с рук! — передали Старкову всё своё небогатое «богатство». Состав «наследства» не поражал ни ценностью, ни количеством: узнав о том, что дело передано соседям, «кировчане» весело «проводили его в последний путь». Никто — даже проформы ради — уже не «взрыхлял почву» ни «носом», ни, тем более, «рогом». И за это их тоже никто — даже «октябрята» РОВД — не пытался «заманить в колхоз» безнадёжным обращением к совести, «корпоративному братству» и прочей «пролетарской солидарности». У кировских соседей и без этого дела было, за что «получать по полной программе» от вышестоящего начальства, и совсем даже не пряники.

Но до благословенной сдачи полномочий кое-что соседи, всё же, успели «открыть миру». Так, кировские «опера» «в темпе вальса» обежали всю округу, подключили население — и выяснили, что расчёска в форме голой девицы была неоднократно замечена наполовину торчащей — выпендрёжа ради — из кармана пиджака десятиклассника местной школы по фамилии Петухов.

Оказалось, что и кроссовки с редким «рисунком протектора» и фабричным клеймом «Made in...», поучаствовавшие в сборе вещественных доказательств на месте происшествия, тоже были не чужими этому персонажу. Более того: на протяжении уже нескольких месяцев они составляли с его ногами единое целое. Опять же — для произведения неизгладимо-благоприятного впечатления на контингент, особенно, женского пола. Ничем иным, судя по приложенной к материалу «кировчан» фотографии, этот «мальчик» привлечь внимание девиц не мог. Ну, разве, что немереным количеством прыщей на лице, длинным носом, огромными оттопыренными ушами и кривыми зубами — но лишь девиц с извращённым вкусом.

Кое-что соседи «натрудили» и по линии окружения мальчика. Выяснилось, что мальчика «окружал» дважды судимый папаша — субъект весьма экзальтированный по причине отягчённого сроками прошлого и склонности к злоупотреблению алкоголем в настоящем.

По обнаруженной в руке убитой пуговице соседи обещали прислать информацию «с минуты на минуту»: в течении трёх-четырёх суток. Этим жиденкий «урожай» «кировчан» исчерпывался: пожинать было больше нечего, да они не собирались: «поля уже переданы соседнему колхозу в порядке размежевания».

Старков решил не мудрствовать и воспользоваться советом незабвенного Остапа Бендера: «Из двух зайцев выбирают того, который пожирнее». Поэтому он «постановил» начать с семейного дуэта Петуховых. Первым в очереди «на проведение разъяснительной работы среди себя» был определён Петухов-младший — как наиболее «благоприятный для работы материал».

Октябрьские сыскари уже знали об обрушившемся на них «счастье»: начальник ОУР майор Гапеев убитым донельзя голосом успел «поделиться радостью» со Старковым. Но в бой «опера» пока не рвались: инициатива традиционно наказуема, да и на других «участка фронта» хватало «боев местного значения». Вот и ждали «руководящих указаний» «главного потерпевшего» от переброски дела: Старкова.

И Алексей Семёнович не стал испытывать терпения «пообвыкшихся в окопах» родных «оперов». Через полчаса от «бычкования» последнего окурка он уже звонил первому заместителю начальника Октябрьского РОВД (по оперативной работе) подполковнику Трофименко.

— Василий Николаевич, приветствую тебя: Старков.

— Лёша, подходи: все — в сборе.

Вот, за что особенно ценил Старков подполковника Трофименко — а у того было немало оперативных достоинств — так это за его немногословность и всегдашний приоритет делу. Трофименко не любил говорить много, предпочитая работать головой, руками и ногами — в том числе, и по «объектам работы».

Через десять минут пешего хода — «Москвич», хоть и значился за прокуратурой, немедленно был «приватизирован» прокурором и его женой — Старков уже входил в здание Октябрьского РОВД. На ходу здороваясь с каждым встречным — незнакомые ещё не значились в штате — Старков поднялся на третий этаж. (Начальство почему-то всегда любит забираться на самую «верхотуру»: «Мне сверху видно всё — ты так и знай»)?

Подполковник Трофименко не являлся исключением из правил, хотя в отличие от начальника РОВД, с которым соседствовал кабинетами друг напротив друга, не был замечен в склонности к начальственному выпендрёжу и прочим «составляющим реноме босса». Мебель в его кабинете была, как определил бы всё тот же Остап Бендер, стиля и эпохи «Гей, славяне», двухтумбовый стол и приставка к нему были «не две пары в сапоге» и «не от одних родителей», а обшарпанные венские и прочие стулья явно не состояли друг с другом в близком родстве.

Старков без стука вошёл в кабинет: Трофименко терпеть не мог робкого штатского «Можно?». «Есть дело — заходи, нет — не хрен тебе тут делать!». Подполковник немедленно встал и вышел из-за стола с протянутой для приветствия рукой.

— Здорово, Семёныч. Рад тебя видеть... «без петли на шее».

Шутки у подполковника были той же эпохи, что и мебель, но подчинённые, как и «предписывались уставом», дружно хохотали, несмотря на то, что по частоте заслушивания эти шутки могли соперничать с легендарным «тысячекитайским предупреждением». Старков же в знак «достижения» шутника и его шутки ограничился лёгкой деформацией щеки.

— И я рад тебя видеть, Василий Николаевич. Конечно, я бы ещё больше обрадовался, увидев тебя «в мирное время», с бутылкой коньяка в руках и парой стаканов.

Лаконично отсмеялись. По завершению процесса Трофименко указал рукой на стул и сам сел напротив.

— Ну, начнём, что ли, Семёныч?

Старков слегка приподнял бровь.

— То есть?

Подполковник недовольно сдвинул брови, даже огромная его лысина, занимавшая девяносто процентов площади головы, и та покраснела от неудовольствия.

— Лёш, ты нас за дураков держишь — или за гадов?

Старков рассмеялся, и, словно сдаваясь в плен, шутливо приподнял руки.

— Ни за тех, ни за других, Василий Николаевич! Ты мне — друг, товарищ и даже брат!

— То-то же, — смягчился подполковник. — Мы с тобой столько вместе хлебнули... всякого дерьма — и ты решил, что мы тебя одного «под танк сунем»?! Ты, Лёш, ни разу не ссучился, и мы тебе, по-моему, ни в карман, ни в чайник ни разу не писали. Поэтому «сядем усе»!

— Идёт! — рассмеялся Старков, и тут же посерьёзnel, словно сам себе скомандовал в манере Остапа Бендера: «А, ну, оставить смех!». — «Объект работы»... хм... готов к работе?

Трофименко через голову Старкова тут же махнул прислонившемуся к подоконнику оперуполномоченному капитану Андрееву.

— Давай его сюда!

Долго ждать не пришлось: уже через две минуты Андреев вталкивал в кабинет Трофименко дрожащего, словно классический банный лист, долговязового, рыжеволосого и донельзя прыщавого подростка.

— Здесь сидеть! — скомандовал Андреев, определяя новоприбывшего на стул. Стул был определён ещё раньше — и тоже в строгом соответствии с классикой: строго по центру. «Определив товарища на временное жительство», Андреев встал у него за спиной: тоже — классика.

Трофименко медленно — несмотря на живой характер, уже обзавёлся брюшком, ещё более «выдающимся» в контексте его «метр с кепкой» — выбрался из-за стола и подошёл к подследственному.

— Ты убил девчонку?

И это было характерной чертой подполковника: максимально спрямлять дорогу к истине. Он никогда «не страдал всеми этими подходами, заходами», а работал сразу в лоб — когда словом, а когда и делом.

Юнец затрясся всем телом, хотя можно было ограничиться головой.

— Н-нет...

Трофименко сделал маленький круг возле стула и сидящего на нём «объекта работы» и опять «вышел на траверз».

— А палку зачем в дыру засунул?

«Объект» затрясся ещё энергичней.

— К-к-какую п-п-палку?

— Какую палку? — начал багроветь лысиной подполковник. — Сейчас узнаешь, какую!

Он вернулся к столу, несколько секунд копался в ящике, и вынул оттуда резиной шланг диаметров сантиметров восемь. Похлопывая шлангом по ладони, он подошёл к «объекту» и широко расставил ноги, так, словно укреплял точку опоры.

— Ты видишь эту штуку у меня в руках?

Юнец, откуда-то снизу, с опаской покосился на «странный предмет».

— Вижу.

— А знаешь, что это такое?

Вместо ответа юнец отрицательно затряс головой.

— А хочешь узнать? — продолжал надвигаться на него подполковник.

На этот раз ответом ему было молчание: «объект» ещё не решил, какой ответ окажется менее болезненным для него.

— А я всё же скажу, — нехорошо, так, улыбнулся Трофименко. — Это — резиновый шланг. Но не простой, а набитый песком. А знаешь, для чего? А для того, чтобы вот такие, как ты, потом не бегали «снимать побои». Потому что нечего будет снимать! Потому что эта штука не оставляет следов! Но какие «незабываемые ощущения» она доставляет, ты себе и представить не можешь!

Состояние «объекта» можно уже было определить словами «ни жив, ни мёртв». Но подполковнику этого «промежуточного состояния» было явно недостаточно.

— Ты мне не веришь?

Вопрос — «на засыпку»: «Не верю. — Тогда получай!», «Верю — тогда «колись!». Юнец дал ответ головой — по вертикали: отважился «поверить». Подполковнику слегка «сдал назад»: и в смысле натиска, и просто отодвинулся на шаг.

— Тогда отвечай: твоя расчёска?

— К-какая расчёска?

Не оглядываясь на Старкова, Трофименко переправил через плечо раскрытую ладонь, в которую Алексей Семёнович расторопно вложил искомую расчёску для «предъявления лицом». Петухов-младший взглянул на расчёску и уронил голову.

— Моя...

— А кеды?

— Кроссовки, Василий Николаевич, — отважился влезть с поправкой Андреев.

— Не один ли хрен! — отмахнулся подполковник. — Твои?

Вниманию «объекта» были немедленно предложены кроссовки чехословацкого производства. Старков удивлённо приподнял бровь: неважно, кто раздобыл их: свои или кировские — но ребята не всё время теряли даром.

Петухов боязливо покосился на кроссовки.

— Мои... наверно...

— А вот эта хрень — тоже твоя?

Трофименко сунул прямо под нос юнцу гипсовый слепок со следа.

— Что это? — вздрогнул Петухов.

— Твоя кеда, которая отметилась на месте убийства! Экспертиза уже доказала, что она — твоя! Отвечай, сучонок: ты убил?

Петухов судорожно замотал головой, но завершить процесс ему помешал резиновый шланг, внушительно прошедшийся по его спине.

— Ай!

— Не «ай!», а только самое начало!

— Дяденька милиционер, я не убивал! — захныкал Петухов.

— Я тебе не дяденька! — взревел подполковник. — Ещё врёт, сволочь! Если не ты убивал, как твоя расчёска и следы от твоих кроссовок оказались на месте убийства? Отвечать!

Стимулирующим ответ средством вновь оказался шланг. Но ответ оказался прежним, правда, «в двойном объеме»:

— Ай, ай!

Трофименко повернулся к Старкову.

— Лёш, ты не хочешь... как бы это сказать?

— Осмотреть достопримечательности РОВД? — с усмешкой пришёл на помощь Старков.

— Да!

Старков пожал плечами.

— Ну, что ж... Я думаю, полчаса мне хватит... дам и вам — тоже... и ему...

Едва за Алексеем Семёновичем закрылась дверь, как из кабинета донеслось уже троекратное... нет, не «ура!»: «Ай, ай, ай!». Старков, уже задавший стопам направление в столовую, внезапно остановился, несколько мгновений молча шевелил губами с задумчивым взглядом — и, круто развернувшись, направился в противоположную сторону.

В противоположной стороне находился кабинет начальника ОУР майора Гапеева. Майор, как и все настоящие «опера» не терпевший канцелярщины, скрежеща зубами, корпел над бумагами.

— Ну, что, Семёныч, — моментально и даже с готовностью оторвался он от бумаг, — этот сучонок раскололся?

— Пока нет. Да и сомнение меня берёт...

Болезненно морщась, Старков потрепал мочку уха. Гапеев удивлённо вытянул губы.

— Думаешь, не он?

— Чёрт его знает, — неопределённо двинул плечом Старков. — Хлипковат он для этого дела... Маратик, ты ещё не засылал человечка проверить его окружение?

— Так проверили же!

Гапеев даже вскочил из-за стола.

— Кроссовки добыли... всё такое!

— А в школе были?

Майор увёл глаза в сторону.

— Семёныч, честное пионерское: не успели... Но сейчас я зашлю человечка, будь спок!

— Зашли, Маратик, — одобрительно кивнул головой Старков. — Нехай поспрашает у школяров, не западал ли этот хрен на девиц и не получал ли отлуп от них. В частности, от этой Котовой.

— Сделаем, Семёныч!

Майор уже давил клавишу аппарата селекторной связи. Через несколько секунд с того конца откликнулись.

— Старший лейтенант Ковалёв. Марат Николаевич, я ещё не успел отчёт закончить. Если дадите...

— Не дам! — энергично «отработал на перехват» Гапеев. — Потом закончишь, а сейчас ноги в руки — и в школу по убийству Котовой! Поспрошай там насчёт Петухова. Ну, не пытался ли он лазить девкам под юбку, щупать их, не получал ли он за это по своей прыщавой роже... всё такое. Особый упор — на Котову: может, он и её домогался. Прыщавые — они такие!

— Уже лечу, Марат Николаевич!

Гапеев с силой прижал пальцем клавишу, и с видом победителя повернулся к Старкову.

— Абгемахт, Семёныч! Просьбы? Вопросы?

Вместо ответа Старков молча протянул ему руку и вышел из кабинета.

Глава шестая

О характере проводимой «среди объекта» работы Алексей Семёнович мог иметь полное представление ещё «на дальних подступах» к кабинету Трофименко. Характерное «ай, ай, ай!» лилось уже непрерывным потоком, изредка лишь прерываемым не менее характерными звуками тупых ударов, «конечно же, даже отдалённо «не имеющими никакого сходства с непроцессуальными методами ведения допроса».

Картина, открывшаяся Старкову за открывшейся чуть раньше дверью, почему-то не поражала воображение: весь в слезах и соплях, с взъерошенными рыжими патлами Петухов активно «подвергался разъяснительной работе среди себя» со стороны... с двух сторон: подполковника Трофименко и капитана Андреева. Но всё было «чинно, благородно», без ненормативного рукоприкладства. Непрерывные подзатыльники, которыми обрабатывал «подзащитного» стоящий у него за спиной Андреев, вполне укладывались в норму и соответствовали «местным обычаям».

Правда, Трофименко, багроволицый и «багровольсинный», так энергично подался к «объекту работы», что лицом едва не упирался в его физиономию, стараясь при этом соблюдать дистанцию, дабы не подхватить кого-нибудь из агрессивных прыщей.

— Ты будешь говорить, сволочь?!

Появление Старкова прерывало «творческий процесс». Трофименко медленно отодвинулся от объекта, и, поворачиваясь к Алексею Семёновичу, отрицательно поводит головой из стороны в сторону.

— Я думаю, Василий Николаевич, надо дать подозреваемому время на обдумывание своего положения. Тяжелого положения... почти безнадёжного...

Старков «вносил предложение» нарочито громким голосом, явно не столько для подполковника, сколько для захлабывающегося в соплях Петухова. Умница Трофименко не только не стал удивлённо переспрашивать, но даже не задействовал для демонстрации непонимания «удивлённое» плечо.

— Андреев, отведи... этого... в камеру. Пусть там посидит, подумает.

Когда дверь за «объектом» и конвоиром закрылась, Трофименко немедленно, но очень медленно направился в крохотную комнатку отдыха позади начальственного кресла, где имелись диван, холодильник и даже умывальник. Сунув голову под кран и шумно фыркая, он освежился холодной водой и энергично растёрся сухим полотенцем. Затем он извлёк из холодильника бутылку «нарзана», и, не испрашивая желания Старкова, разлил её по двум высоким стаканам тонкого стекла.

Чокнувшись стаканами со Старковым, Трофименко залпом проглотил минералку. Затем, шумно отдуваясь и отрыгиваясь, он медленно перевёл взгляд на Старкова.

— Ну, и что сегодня в столовой?

— А я там был?!

Подполковник удивлённо выдул губы.

— А ты же чем занимался?!

— Озадачил Гапеева насчёт школы. Марат уже заслал туда Ковалёва.

— Разумно, — одобрил подполковник. — Не исключено, что «ноги» этого дела растут из школы.

— Ну, может, и не дела, но версии — точно.

Старков медленными глотками «доработал» стакан.

— Не исключено, что у этого прыщавого дровичлы есть прошлое, пусть и «школьного разлива». Он наверняка «любит» девчонок за то, что они «любят» его «ещё сильнее». Не исключены конфликты «взаимного недопонимания»... Но...

Старков с сомнением покачал головой.

— Думаешь, мы с ним зря тратим время?! — энергично подключился Трофименко, сразу же определившийся с продолжением коварного «но».

— Похоже на то. Нет, конечно, отработать его надо «по полной программе». Ты уж, Василий Николаевич, зашли к нему в камеру своего человечка.

— Уже, — нахмурился Трофименко.

Помолчали.

— А что ты наработал? — прервал паузу Старков.

Лицо подполковника тут же «хлебнуло уксуса».

— Так — «печки-лавочки», — раздражённо махнул он рукой. — Говорит, что кеды... ну, эти...

— Кроссовки.

— Да: кроссовки... Так, вот, говорит, что возвращаясь из школы, заляпал их грязью — а, кроссовки, мол, новые, вот и решил их «постирать». Потом якобы повесил их на забор вокруг дома... ну, чтобы просохли.

— Намекает на то, что их стащили?

Старков, словно раздумывая, неопределённо пожал плечами.

— Версия, конечно, хлипкая, но теоретически... А что — насчёт расчёски?

— Тоже «лепит», что украли!

К «уксусу» на лице Трофименко добавил злости и багрянца.

— При каких обстоятельствах?

— Говорит, что его расчёске... ну, из-за этой расчёски многие пацаны в классе завидовали. И, вот, якобы когда он был на физкультуре, кто-то и «увёл» расчёску из раздевалки.

Трофименко покачал головой и исподлобья «прицелился» в Старкова.

— Сам как думаешь?

— Надо проверить, — не стал задумываться Старков. — Вот, почему нужна информация из школы... Хотя...

Алексей Семёнович с сомнением на лице пожевал губами.

— Вполне может оказаться, что историю с расчёской этот прыщ выдумал для «отмазки». Расчёску он вполне мог потерять на месте убийства...

— О чём я и говорю! — моментально загорелся Трофименко.

Старков снисходительно покривил щекой.

— Не горячись, Василий Николаевич. Дослушай сначала. Я же не говорю, что расчёска, потерянная или брошенная на месте преступления, является доказательством того, что убил этот сопляк. Даже, если мы докажем факт потери расчёски в нужном месте, мы не сможем сделать из этого нужный вывод.

Трофименко недовольно сдвинул брови.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Расчёску он мог потерять там и до времени убийства, и после. Например, зная, что девица ищет гуляку-кота всегда в одном и том же месте, он мог там подкарауливать её для выяснения отношений, но опоздал: кто-то выяснил уже свои отношения с ней до него. Сопляк, естественно, обделался со страху, дал дёру... вполне мог «посеять» расчёску!

Подполковник огорчённо вздохнул и медленно покачал головой.

— Ты прав, Лёша, Могло быть и так... И что нам остаётся?

— Что, говоришь, остаётся?

Старков не стал «художественно», а-ля Шерлок Холмс, задумываться с использованием табака и гордого профиля.

— Ну, во-первых, отработаем до конца Петухова-младшего.

Мизинец его правой руки отработал на счёт «раз».

— Затем у нас имеется пара окурков... Кстати, этот сопляк не курит?

— Да, я не спрашивал! — раздражённо сморщил лицо Трофименко. — Некогда было: я же признание выби... добывал...

— Ладно, узнаем. Дальше...

Старков загнул второй палец.

— У нас есть пуговица, похожая на милицейскую. Так, вот...

— Погоди, Семёныч! — энергично перебил его подполковник, рывком снимая трубку телефона с рычагов. Покрутив диск, он принялся нервно топтаться у аппарата. — Майор Бессонов? Подполковник Трофименко тебя беспокоит!.. Да ничего... вашими молитвами!.. Слушай, Михалыч, я сразу — к делу: вы «грозились» отработать пуговицу.. ну, ту — по убийству на пустыре!.. Отработали? Ну, «докладай»!.. Что?!..

Некоторое время подполковник стоял столбом, уставившись невидящим взглядом куда-то мимо телефона в стену, на которой «узоров не было и цветы не росли». Затем, рывком стряхнув оцепенение, он «вернулся» в разговор.

— Михалыч, давай его сюда немедленно!.. Что значит: «Сам придёт!»?! Нет, уж, брат, ты обеспечь его «персональной каретой», да приставь человечка, чтобы этот твой «страж закона» не сбежал из-под стражи! Прошу, как друга!.. Ну, это — другое дело! Ждём «гостя» с нетерпением! Бывай!

Положив трубку на рычаги, он медленно повернулся к Старкову. Выражение озадаченности уже успело заместить на его лицо энтузиазм секундной давности.

— Нда.. Такие, значит, дела, Семёныч... Нда...

— «Колись», Василий Николаевич! — не выдержал Старков.

— Пуговица-то — от этого дурака-участкового!

— От Емели Иванова?!

Теперь настала очередь Старкова изумлённо отработать бровями.

— Кого угодно я мог представить себе в этой роли — только не его!

Изумлялся Алексей Семёнович недолго: через несколько секунд изумление уже сдавало полномочия сомнению.

— Не-е-ет, это исключено! Василий Николаевич, это — из области ненаучной фантастики! Он — даже не кретин, он — идиот, причём, клинический! Никогда не поверю в то, что его может заинтересовать баба — в любом качестве: как баба, как носитель материальных ценностей, как объект раздражения! Хотя... однажды я заприметил такой его взгляд, что...

— Вот именно! — в очередной раз загорелся Трофименко. — Недаром говорится, что «в тихом омуте черти водятся»! Ну, вот и ещё одна «живая» версия!

Трофименко энергично потёр ладонью о ладонь.

— Сейчас этого субчика доставят к нам — и мы начнём его отработывать, пока Петухов «не поплывёт» в камере! Слава, Богу, теперь есть выбор — кого-нибудь, да определим на роль! Обязательно кого-нибудь «доведем до готовности»!

— Ладно...

Старков почти смущённо потрепал нос пальцем.

— Я хотел отойти по делам: там у меня парочка свидетелей по одному изнасилованию должна подвалить — но раз такое дело...

— Оставайся, Семёныч, — весело потрепал его плечу Трофименко, — скучно не будет!

«Веселья» ждать пришлось не меньше часа: это ведь только сказка скоро сказывается. Но сколько «верёвочка» ни вьётся, а всё равно материал «не резиновый»: на исходе часа ожидания позвонил дежурный и сказал, что доставили участкового Иванова. А пока того «выгружали» и доставляли уже в кабинет Трофименко, туда же успел просочиться капитан Андреев с информацией «по низу» о том, что «подсадной» ничем пока обрадовать не может: Петухов лишь сопли на кулак мотает и скулит, что ни в чём не виноват.

— Наш «стукачок» говорит, — виновато потупил взгляд Андреев, — что этот чмошник не похож на мокрушника.

— Пусть работает дальше! — недовольно сморщил огромный, как у Ильича, лоб Трофименко. — Такие деньги тратим на эту публику, а толку — как с козла молока! Иди и передай ему: пусть «раскручивает»! И пусть только попробует не «раскрутить» — оставлю не только «без сладкого»: без штанов!

Андреев, так и не переступавший порога и просочившийся лишь головой, счёл за лучшее моментально растаять в дверном проёме.

— Работнички! — энергично «одобрил» Трофименко. — «Как из собачьего хвоста — сито», так ты, кажется, говоришь, Семёныч?

— Не я: Остап Бендер.

В этот момент в дверь постучали. Трофименко грозно сдвинул брови: не приведи, Господи, кто-то из своих. Но «неодобряемым стукачком» оказался провожатый из Кировского РОВД, который доставил лейтенанта Иванова, Емельяна Ивановича.

— Ещё бумаги просили передать, товарищ подполковник.

Сопровождающий протянул Трофименко несколько скрепленных канцелярской скрепкой листков.

— Разрешите идти, товарищ подполковник?

— Идите, — рассеянно махнул рукой Трофименко, весь уже поглощённый обозрением Иванова. Обозрев последнего, он с весёлой ухмылкой повернулся к Старкову и покачал головой, словно говоря: «Ты был прав — а я не верил!».

Иванов и в самом деле не изменил себе. Ни в чём — в том числе, и в постоянстве образа. Он стоял, потупившись в свежее выкрашенный пол, весь такой нескладный, долговязый, худой, с «неистребимыми» вихрами во все стороны и традиционно вываливающейся из ноздри смачной зелёной соплём, которую он тщетно пытался водворить на место.

— Красавец! — насмешливо ударил по последней гласной Трофименко. — А пуговица-то где?

Отсутствующая на обшлаге левого рукава пуговица лишь «обозначалась» торчащими из ткани обрывками ниток. Ответом подполковнику была очередная молчаливая попытка «отработать» соплю.

Трофименко взял Иванова за рукав и повернул «лицом» к Старкову.

— Что скажешь, Семёныч?

— А что тут говорить? — усмехнулся Старков, извлекая из полиэтиленового пакета форменную металлическую пуговицу. — Даже прикладывать не надо. Разве что — для порядка...

Алексей Семёнович «перенял эстафету» рукава у Трофименко и водворил пуговицу на место. Место и пуговица оказались «кровными родственниками». Концы оборванных ниток настолько идеально подошли друг к другу, что подполковник не сдержал торжествующей ухмылки.

— Да тут никакой экспертизы не надо! Как говорится, «они-с самые-с и есть-с»!

— Нет, экспертиза, Василий Николаевич, нужна — для порядка, — мягко оппонировал Старков. — Но каков наш Емельян Иванович! Что же это ты до сих пор не удосужился пришить пуговицу, хоть какую-нибудь? Потом бы на все претензии отвечал нам: мол, ничего не знаю, я не я — и хата не моя»! А, Емельян Иванович? Лень-матушка — или русский «авось»?

Старков не выдержал и расхохотался.

— Василий Иванович, первый раз в жизни вижу подозреваемого, который даже не попытался замести следы!

Дохохотавшись до слёз, Алексей Семёнович воспользовался не вполне свежим носовым платком, чаще используемому по прямому назначению (для носа), и вернул на лицо «серьёз».

— Где пуговица, Иванов?

Участковый попытался даже наморщить лоб, но память это не оживило. Тогда он задействовал плечи — в форме неуверенного пожимания.

— Не знаю... Оторвалась...

— Ну, это мы видим.

Сквозь удушающий смех Старков еле продавил на лицо серьёзность.

— А где именно оторвалась? И каким образом она оказалась в руке убитой?

На этот раз участковый ответил более привычным образом: шмыгнул носом и тряхнул соплём.

— Мда, грехи наши тяжкие! — озорно блестя глазами, покрутил головой Старков. — Кстати, Василий Николаевич, давай поглядим, что там за бумажки прислали «кировчане».

Трофименко, большой «любитель» возни с бумагами — как и всякий настоящий «опер» — с готовностью перепоручил это мероприятие — вместе с документами — Старкову. Алексей Семёнович быстро пробежал глазами текст — благо, «бежать» пришлось недолго: сопроводилка майора Бессонова уложилась в десять строк, а объяснительная — даже не протокол! — Иванова не дотянула и до этого «рекорда».

— Чё пишут? — не выдержав томительной паузы, заглянул через плечо Трофименко.

— Реабилитацию, — усмехнулся Старков. — Наш... то ли подозреваемый, то ли подзащитный... словом, пропажу этой самой пуговицы у него обнаружили при проведении строевого смотра, аккуратно в то время, когда, по показаниям соседей, позднее убиенная Котова была замечена во дворе собственного дома. Живой ещё, разумеется.

— Алиби, — сокрушённо покачал головой Трофименко.

— Да, Василий Николаевич. Нашему «герою» проводивший построения майор Бессонов сделал замечание и отправил пришивать пуговицу.

— И? — вяло заинтересовался Трофименко.

— И с концами! — рассмеялся Старков. — Ни пуговицы, ни участкового!

Трофименко уже мог сдержаться и схватил Иванова — уже не за рукав, а за глотку.

— Ты почему, мать твою так-растак, не пришил пуговицу?!

Хрипя то ли от волнения, то ли от удушья, участковый неожиданно расщедрился на целый монолог, если, конечно, эти несколько слов можно было возвести в достоинство монолога.

— Так ведь... это... ну, когда меня... когда я... уже за иголку взялся — а тут вызов на участок... бытовая драка... аккуратно на пустыре... вот.

Трофименко с вопросом в глазах повернулся к Старкову — и тот «утвердил» показания участкового.

— Бессонов в своей сопроводилке пишет, что Иванов действительно выходил на участок по поводу драки между молодняком соседних улиц. Даже протокол там умудрился составить.

Трофименко разжал пальцы на горле участкового и с горестным вздохом опустил на первый подвернувшийся под зад стул.

— А какая была версия! Пальчики оближешь! И-э-э-э-х!

Старков подошёл к телефонному аппарату.

— Не возражаешь, Василий Николаевич?

Подполковник устало махнул рукой. Старков быстро прокрутил номер.

— Майор Бессонов? Старков тебя беспокоит. Михалыч, ну, мы разобрались с твоим участковым... Да, полное алиби... Нет, конечно, экспертизу проведём. Так что ты выдай ему новую пуговицу.

Старков не выдержал и рассмеялся.

— Так я тебя поставил в известность: мы его отпускаем... Нет, пусть на своих двоих добирается!.. Ну, бывай, Михалыч!

Старков вернул трубку аппарату и повернулся к Иванову.

— Емельян Иванович, вали отсюда к едрене фене!

Иванов ещё немного потоптался на месте, в очередной раз — и в очередной же раз безуспешно — попытался подтянуть соплю, затем вздохнул, пробормотал что-то вроде «до свиданья» и, сторбившись, совсем не строевым шагом вышел за дверь.

Глядя ему в спину, Трофименко ещё несколько мгновений «напутствовал» участкового «разными добрыми словами», а потом не выдержал:

— Нет, Семёныч, зря мы его отпустили... так рано!

— Не понял? — не соврал Алексей Семёнович.

— А как пуговица оказалась в руке девчонки?

Старков рассмеялся.

— Это ты у него собирался выяснить?

Трофименко неуверенно пожал плечами.

— Ну... вообще... Но как-то ведь она там оказалась?

— В руке или на пустыре?

— И то, и другое!

Старков на мгновение задумался.

— Ну, насчёт пустыря... Тут вариант один: этот недотёпа, какой-никакой — а служака. И на пустыре он бывает, как минимум, раз в день. Участок у него небольшой, а он погулять любит. А так как он неряха...

— Понял, — в очередной раз недовольно поморщился Трофименко, и тут же «обратился в бойцового петуха». — А как она могла оказаться в руке убитой, а?!

Старков сначала ушёл глазами в сторону, а затем «перебрался на потолок».

— Ну, думаю, что она же умерла не сразу, и пока убийца её душил, она в судороге хваталась руками за всё, что под них попадалось. Вполне могла попасться и пуговица — если, конечно, этот... Емельян Иваныч её именно там обронил. И если он её вообще обронил...

Под недоумевающий взгляд Трофименко Старков помрачнел лицом.

— Есть и другой вариант, Василий Николаевич. Но — не приведи, Господи...

— Что такое? — насторожился Трофименко.

— Кто-то сунул ей в руку эту пуговицу. Вероятнее всего — сам убийца.

Подполковник наморщил лоб.

— Наводит на ложный след?

— Или смеётся над нами, пытаюсь запутать в куче разномастных улик. А если наши «гадания на кофейной гуще» верны, то это значит, что Иванов пуговицы не терял — её у него украли. Специально для нас.

Одинаковые по содержанию взгляды Старкова и Трофименко встретились и уже не расходились.

— Да-да, Василий Николаевич: в таком случае, мы нескоро с ним познакомимся... Если вообще познакомимся...

С трудом, словно приклеенный, Алексей Семёнович оторвал зад от столешницы, на которой расположился ещё во время разговора с Бессоновым.

— Похоже, Василий Николаевич, что с этим делом мы — в полной жопе...

Глава седьмая

Старков вернулся в прокуратуру, но едва он успел переступить порог кабинета, как зазвонил телефон.

— Семёныч, это Трофименко. Дуй к нам: Ковалёв вернулся из школы, и «по низу» тоже прошла информация.

Старков с досадой пристукнул кулаком по столу.

— Дай хоть пообедасть, Василий Николаевич. Тут за углом — блинная... блин, ну, ты знаешь...

— У нас пообедаешь! — непререкаемым тоном пробасила трубка. — Сегодня — очень хороший обед: борщ, котлеты с картофельным пюре на молоке, компот из сухофруктов. На всё про всё скидка — сто процентов! Ну, и чем-нибудь зальём огорчение! Давай, подваливай!..

Через двадцать минут — вместо нормативных десяти, по причине «гудящих» ног — Старков в очередной за сегодня раз открывал дверь в кабинет Трофименко.

— Лёш, ты извини, но без тебя — как без рук! — сразу же повинулся Трофименко. — А насчёт столовой — будь спок: сюда доставят! Только сначала завершим программу дня.

Старков устало опустился на стул за приставкой к столу Трофименко.

— Василий Николаевич, сразу, первым пунктом: что прошло «по низу»?

Подполковник заговорщически подмигнул Старкову.

— Кое-что надыбали! Наш человек, всё-таки, «раскрутил» пацана. Ну, конечно — не чистосердечное признание, но, так сказать...

— Не томи, Василий Николаевич: так и скажи!

Трофименко рывком подтянулся к Алексею Семёновичу, едва ли не уткнувшись лицом в лицо.

— Пацан сознался, что в школе над ним регулярно издевались, причём, не столько мальчишки, сколько девчонки. Ну, ты видел этого дохляка?

Старков кивнул головой.

— Ну, вот. «За выдающиеся спортивные достижения» его освободили от физкультуры»: даже стометровку он не мог пробежать, приходил последним, после всех девчонок. На физкультуре он всегда сидел на лавочке у стены и «заслушивал» оскорбления, которыми его одаривали в течение всего урока. Особенно старалась Котова.

Трофименко усмехнулся.

— Девушка-то была, оказывается — о-го-го! Смазливая лицом, фигуристая, шустрая, заводила — не то, что этот заморыш. Вот, от неё Петухову и доставалось больше, чем от кого бы то ни было. «Железный» мотив!

Трофименко взглядом победителя уставился на Старкова: искал следы одобрения, да не нашёл.

— Ты не отвлекайся, Василий Николаевич, — устало поморщился Старков. — «Доставалось больше, чем от кого бы то ни было». И?

Подполковник обиженно засопел: не такой реакции он ожидал на свою дедукцию.

— Вот тебе и «и»!.. Ладно... Однажды, когда Петухов, которого уже «достали» все эти «подначки»...

— «Не вынесла душа поэта позора мелочных обид»?

— Что-то вроде этого... Так, вот, однажды после уроков Петухов решил «подкачаться». Пробрался в пустой спортзал, зацепился за перекладину на турнике... и повис сосиской! Тут его и застукали...

— *In flagranti delicti*, — снова не утерпел Старков.

— Чего? — оказался честен подполковник.

— «На месте преступления» — латынь.

— Ну, я и говорю, — вернулся в образ Трофименко. — Петухов думал, что он один, но не тут-то было. Эта Котова с подружками выследила его, а когда он повис, выскочила вместе с ним из «дамской» раздевалки и... Как ты думаешь, что дальше было?

«Призванный в мыслители», Иванов с усталой укоризной «отметился» в Трофименко.

— А чего мне думать — сам скажешь.

— Вот, ведь, какой ты! — огорчённо крикнул подполковник. Но через мгновение от огорчения на его лице не осталось и следа. — Они стянули с него трико и трусы!

— И не нашли ничего под трусами? — с усмешкой «догадался» Старков.

— «В точку!» — чуть ли не взревел от восторга Трофименко. — Его хрен оказался...

— «С гулькин хрен», — опять догадался Старков.

— Именно, Лёша!

Подполковника так и распирало от восторга. Чувствовалась, что информация не просто доставляла ему «эстетическое наслаждение»: она славно укладывалась в его «железную» версию.

— Девки принялись хохотать, а Котова прямо сказала, что с таким «хозяйством» ему нечего делать на бабе! Так прямо и сказала: нечего делать на бабе, потому что нечем! Ты представляешь?!

— Продолжай, продолжай, — «представил» Алексей Семёнович.

— Малец настолько «вышел из берегов», что обещал «грохнуть» её, но перед этим показать, «как ему нечего делать на бабе»!

Трофименко настолько утомился собственным энтузиазмом, что вынужден был обратиться за помощью к стакану минералки. Со Старковым он, разумеется, поделился по-братски. Утерев мокрый подбородок по-народному — рукавом — он в очередной раз не выдержал испытания славой и «обрядился в триумфатора».

— Лёш, вот откуда палка в «дыре»! Вот, что он хотел этим показать — и показал! Вот как, а главное, чем он её отымел! Я уже не говорю за мотив: «козе понятно» — мечь!

С видом неисправимого заговорщика Трофименко опять придвинулся к Старкову.

— Кстати, «добыча» Ковалёва в полном объёме подтверждает факт... ну, инцидента в спортзале и «торжественного обещания юного пионера». У Ковалёва на руках — восемь объяснительных от девчонок и пацанов. А кроме того...

Вид заговорщика стал уже «нестерпимо заговорщическим».

— ... у нас есть кое-что и на папашу, на Петухова-старшего. Говорят, плаксиво-прыщавый сынок поплакался мужику в «жилетку», и тот пообещал сыну, что за писюн сучка ответит.

— «Откуда дровишки»? — заинтересованно прищурил глаз Старков.

— От Ковалёва, разумеется! — удивлённый «несообразительностью» визави, развёл руками Трофименко.

Старков усмехнулся.

— «Товарищ не понял»: я спрашиваю, чем объективно подтверждаются слухи, которыми разжился Ковалёв в школе? «Говорят» — не доказательство.

Подполковник перестал излучать сияние и свёз в гармошку «ленинский» лоб.

— Ну, пока, как говорится... чем богаты — тем и рады. Доработаем, Семёныч! Главное, есть от чего отталкиваться!

— Против этого нет возражений, Василий Николаевич, — смягчился Старков. — А, кстати, ты озадачил своих насчёт Петухова-старшего?

Широкое лицо Трофименко расцвело снисходительной улыбкой.

— Обижаешь, Семёныч! Двое моих — уже там. И не для подглядывания из-за кустов: сразу же и возьмём!

— Добро!

Звучным шлепком широкой ладони Алексей Семёнович приговорил вопрос.

— А теперь, что: займёмся прыщавым?

Так как текст даже на слух не напоминал всего лишь вопрос, Трофименко сориентировался мгновенно: Старков ещё только «выставлял знак» — а подполковник уже давил клавишу аппарата селекторной связи.

— Андреев, веди сюда этого хрена!

Через три минуты капитан Андреев «предельно вежливо», всего лишь при помощи рук и ног вталкивал Петухова-младшего в кабинет.

Трофименко встретил появление «объекта работы» широкой «добродушной» улыбкой... и уже хорошо знакомым тому резиновым шлангом, который подполковник выложил на стол сразу же по водворению «объекта» на стул.

Увидев «хорошего знакомого», юнец в ужасе отпрянул назад, но был тут же возвращён в исходное положение увесистым тычком в спину от расположившимся позади Андреевым.

— Ну, поговорим?

Похлопывая шлангом по ладони, Трофименко двинулся «из пункта А в пункт В». По условиям школьной задачи встреча должна состояться в пункте С. Но жизнь — не школа, и, как минимум, в этом кабинете, встреча должна была состояться в пункте В. И, судя по тому, как ещё в пути следования улыбка на лице подполковника из разряда добродушных перешла в разряд нехороших, встреча эта не сулила «объекту из пункта В» ничего хорошего.

— Предупреждаю сразу: моё терпение — на исходе, как и время. И если ты опять будешь испытывать его, то я испытаю прочность этой резины на твоей спине. Ты не представляешь, насколько я буду огорчён, если мы с тобой не достигнем взаимопонимания.

Трофименко обернулся на Старкова.

— Товарищ старший следователь по особо важным делам!

«Повышенный в чине» — для пользы дела — Старков моментально исполнился театральной важности.

— Я прошу Вас передать мне документы, подтверждающие виновность гражданина Петухова в совершении тяжкого преступления.

Старков вложил тонюсенькую подшивку в папку с сотней чистых листов бумаги и с важным видом передал «документы» подполковнику.

— Протоколы допросов школьников, учителей и соседей — здесь? — продолжал играть Трофименко.

— Разумеется, товарищ подполковник, — тоже соответствовал образу Старков.

«Не пропадёт ваш скорбный труд»: перечень фигурантов, особенно упоминание школы, явно потрясло юнца. Он уронил голову между колен: текст шёл уже оттуда.

— Я всё скажу.

— Ну, всё, что ты хочешь сказать, мы и без тебя знаем, — поморщился Трофименко. — А мы хотели бы услышать не это, а то, что ты можешь сказать, но не хочешь в глупой надежде утаить это от нас с товарищем старшим следователем по особо важным делам.

— Так про школу не надо?

Петухов-младший робко выглянул — одними глазами — откуда-то снизу.

— Это ты — о трусах, пюсюне и насмешках Котовой?

«Объект» скорбно качнул головой между колен.

— Нет, об этом не надо, — лениво махнул рукой подполковник. — Лучше — с того места, когда ты пригрозил её «грохнуть» и «отодрать». Ты ведь грозился сделать и то, и другое?

На этот вопрос реакции не последовало: не самый умный даже в своей школе, Петухов, тем не менее, почувствовал, куда ведёт его этот вопрос и куда заведёт его ответ. Но он «играл с огнём»: подполковник Трофименко был не их тех «добрых следователей», которые ограничиваются показаниями, которые, в свою очередь, готовы «показать» подследственные. Трофи-

менко свято исповедовал лозунг на тему горы и Магомета, а ещё он не собирался играть в «доброе следствие» и «следствие злое»: он всегда был самим собой, то есть, «злым следователем».

— Ты оглох, сучонок?

Подполковник уже вышел из образа и «вернулся в себя».

— Я задал вопрос: ты грозился «отодрать» и «грохнуть» Котову?

Уяснив, как завибрировал голос Трофименко и как ещё больше завибрировал в его руках шланг, Петухов тут же «отставил глухонемого».

— Да... г-грозился...

— Вот, — «подобрел» Трофименко. — А теперь расскажи, как ты привёл свой план в исполнение?

— Я его не привёл.

Покоситься в сторону вибрирующего шланга Петухов не успел, потому что шланг уже не вибрировал, а вовсю работал по спине юнца.

— Ай-ай-ай!

«Троекратно вздаться» шлангу Петухов, всё же, успел.

— Но у тебя был же план? — взревел Трофименко, покручивая шлангом у самого носа Петухова.

— Был, — не стал искушать судьбу «объект».

— Очень хорошо, — благодушно одобрил Петухова Трофименко, и тут же поправился. — Очень плохо, конечно, я хотел сказать... Ну, и что это был за план?

Петухов «засмутился», но ненадолго: новая «порция шланга» сразу же вернула подследственному его образ со всеми его наличествующими обязанностями и отсутствующими правами.

— Я... хотел ей доказать, что член... что я...

— Что ты — член, или что ты — с членом? — под весёлую ухмылку уточнил Трофименко.

Петухов вновь попытался смутиться, но вид шланга заставил его передумать.

— Ну, да... То есть, что я... ну — мужчина...

— И каким образом ты хотел доказать ей это?

Юнец нахмурился и вздохнул.

— Я хотел выследить её на пустыре... ну, там, где её потом нашли...

— А как ты мог знать, что она там бывает? — заинтересованно подключился Старков, оторвавшись взглядом от окна, «за которым» отсутствовал всё это время.

— Их кот постоянно убегает туда.

— Понял: дальше.

Старков и Трофименко отработали почти в унисон.

— Я хотел... это...

— Подкараулить её, — мягко встрял Старков: у Трофименко наготове был «более народный» вариант.

— Ну, да... потом дать ей по башке кирпичом, а когда она потеряет сознание, раздеть её и засунуть ей в пиз... в... это...

— Во влагилице, — не изменил в себе интеллигенту Старков, опережая рвущегося с иным уточнением Трофименко.

— Да: в логовище.

На это раз Старков и Трофименко были единодушны: расхохотались а capello. Веселила, разумеется, не покойница — что тут весёлого: веселила серость человеческая.

«Обрадованный пониманием», юнец тут же обложился руками.

— Но я её не убивал!

— Не хотел убивать, но...

Первым за «ниточку» ухватился подполковник.

— Нет, и не хотел и не убивал! — решительно и слезоточиво принялся рвать «ниточку» юнец. — Да, я её ждал в тот день, но так и не дождался. Хотя кота ихнего я видел там, на пустыре...

— Интересное кино, — задумчиво пробормотал Старков, откуда-то «из заграницы... самого себя». — Значит, кот, всё же, ушёл «гулять сам по себе»... или «его ушли»...

— О чём это ты? — удивлённо приподнял бровь Трофименко.

— Так — мысли вслух... Ладно, Петухов-младший...

Старков рывком оторвал сидалище от сиденья.

— Никакого алиби у тебя нет — даже однопроцентного. То, что ты чересчур громко возмущался насчёт «покражи» расчёски, вполне могло быть работой на публику для «отмазки». Расчёску ты потерял на пустыре, а потом придумал историю с раздевалкой.

— Но я...

— Заткнись и не мешай работать!

Трофименко тут же пособил «старшему следователю по особо важным делам» — при содействии шланга и участии рёбер Петухова.

— Продолжайте, товарищ старший следователь по особо важным делам: он больше Вам не помешает.

Старков отвесил благодарственный поклон и на мгновение призадумался.

— А скажи-ка мне, Петухов, ты папашу посвящал в свои планы? Только не врать!

Петухов опустил глаза.

— Ну, я ему... Я сказал, что хочу её...

— Хочу её?! — мгновенно «отработал на перехват» Трофименко.

— Нет, ну, не то, чтобы... Ну, в общем... то, что я вам уже рассказывал...

— А папаша? — загорелся Трофименко. — Как папаша отреагировал?

Следом за глазами юнец опустил и голову.

— Он сказал, что незачем городить огород... Ну, что он сам с ней разберётся.

— И разобрался?

Глаза подполковника зажглись хищными огоньками: тигр, а не милиционер!

Петухов засопел.

— Ну, он ходил к ним.. ну, к Котовым во двор... ну, и там пообещал... то есть сказал...

— Пригрозил, — жизнерадостно поправил Трофименко.

— Ну, да... Ну, что он её «отдерёт» за то, что она обидела его сына...

— А кому он это сказал? — продолжил солировать Трофименко: опять «удалившись за окно», Старков явно думал о чём-то своём, очевидно, никак не связанном именно с этими показаниями Петухова.

— Котовым сказал... Ну, её отцу и матери...

— Кто это слышал?

— Соседи... ну, которые — через забор.

Трофименко энергично повернулся к Старкову.

— А, Семёныч? Всё — «в цвет»!

Однако Семёныч почему-то не спешил разделять энтузиазм подполковника. Вместо жизнерадостного подключения к торжеству он сначала неопределённо пожевал губами, и лишь затем выдал текст, но совсем не тот, какой от него ждал всё ещё испускающий сияние Трофименко. Да и получателем текста оказался не Василий Николаевич.

— А скажи мне, Петухов-младший, когда ты излагал отцу свой план в отношении Котовой, кроме вас дома был кто-нибудь?

Игнорированный «уклонистом Семёнычем», «Трофименко сначала обиженно, а затем удивлённо выдул губы. Весь его вид даже не говорил, а вопиял: а это-то тут — при чём?! Зачем уводить разговор — вместе с парнем — от перспективной темы?!

Неожиданно и Петухов разделил огорчение своего «истязателя», но по другой причине. Вопрос «старшего следователя по особо важным делам» не доставил ему удовольствия лишь потому, что парень явно не возражал против собственной замены на «жертвенном ложе» и тюремных нарах. Петухов-младший со всей очевидностью не возражал против того, чтобы подставить вместо себя папашу. Поэтому он сначала огорчился, и лишь затем начал припоминать. Припоминая, он даже отважился разок дёрнуть плечом, как бы сомневаясь в надёжности памяти.

— Нет, кажется, никого... Мать была на работе... Она уборщицей работает... Хотя...

— Что? — оживился Старков — слегка, в формате приснопамятного зищпредседателя Фунта из «Золотого телёнка».

— Приходил к нам какой-то «опер»... виноват: милиционер... в пинжаке...

— В штатском.

— Ну, да.

— Что за «опер»?

— Я его впервые видел, — насупился Петухов. — Да к отцу много их ходит: и участковый, и другие... Чуть где что случился — сразу к отцу...

— Узнать сможешь?

Петухов наморщил узенький лоб и отрицательно мотнул головой.

— Он же с отцом разговаривал. Я в этот момент вышел из кухни. А он стоял ко мне спиной.

— А отец узнает?

— Ну, это у него надо спрашивать, — комбинированно осмелел-обнаглел Петухов: явно почувствовал, что интерес следствия вновь переключается в спасительном для него направлении — на папашу.

— А в какой момент появился «опер»?

Алексей Семёнович великодушно «отпустил наглецу»: сейчас его больше интересовало продолжение, чем воздаяние. Трофименко застыл с открытым ртом — явно не от возмущения «мягкотелостью» Старкова: с каждым вопросом Семёныч всё дальше уходил от «магистрального направления».

— Не помню.

— Ну, ты ещё не закончил излагать свой план отцу? — продолжал наседавать Старков.

Петухов опять рискнул двинуть плечом.

— Ну, «опер»... милиционер... пришёл... в этот вечер, когда мы говорили с отцом... ну, обо всём этом...

Старков откинулся на спинку стула с явным удовлетворением на лице. Наконец Трофименко, судя по его проясняющемуся взгляду, уже начал догадываться о том, что «вопросы не по теме» были, всё же, по теме, пусть ещё и не вполне ясной для подполковника.

— Ладно!

Поскольку Старков не выражал намерения продолжить расспросы, Трофименко энергичным шлепком ладони по столу «приговорил» ситуацию.

— Подпиши протокол: здесь, здесь и здесь!.. Подписал? Андреев, отведи этого насильника...

Петухов вздрогнул и втянул голову в плечи.

— ... обратно в камеру и возвращайся!

Когда двери за обоими закрылись, Трофименко — уже с пасмурным лицом: неподражаемый мастер перехода из одного состояния в другое — переключился на Старкова.

— Ты, что Семёныч: думаешь, что к ним под видом милиционера наведался настоящий убийца?

— Или настоящий убийца в качестве настоящего милиционера, — раскачиваясь на стуле, не задержался с ответом Старков.

На этот раз подполковник не стал возмущённо таращить глаза. Некоторое время он хмурился, молча шмыгал носом и трепал пальцами мочку уха: думал. Наконец, он надумал:

— Это всё — не из жизни, Семёныч! Это всё — кино! «Может, где-то там, высоко в горах, но не в нашем районе»...

Цитата «из «товарища Саахова» была вполне узнаваемой, но энтузиазма на лице Старкова она почему-то не прибавила. Зато её отсутствие — точно по Ломоносову — прибавило решительности на лице и в голосе Трофименко.

— Чем сочинять образ маньяка, давай лучше займёмся Петуховым-старшим!

— Давай, — равнодушно повёл плечом Старков.

Глава восьмая

Петухова-старшего доставили через час после того, как вернули к баланде его прыщавого сына. Папаша оказался колоритной личностью, но несмотря на визуальную причастность к уголовному миру: два наколотых перстня на пальцах, какая-то выцветшая татуировка на плече — на «авторитета» он явно не тянул. Весь его облик говорил, скорее, о хулиганском прошлом и алкогольном настоящем. Да и сейчас он был нетрезвым, помятым и невыспавшимся.

— Садитесь, Петухов.

— Успею ещё, — «не отходя» от стула, но и не приближаясь к нему, принялся косить под «авторитета» Петухов. «Номер» не прошёл — в отличие от шланга, который резво прошёлся по спине «диссидента». Следом к резине подключилось колено Андреева, которое помогло, таки, подследственному осознать своё место в этом кабинете: на стуле посреди оного.

— Мы всё знаем, — сразу же приступил к делу изрядно уставший к разговоров — не от рукоприкладства — Трофименко.

— О чём тогда говорить? — ухмыльнулся Петухов.

— О чистосердечном признании.

— Не бери на понт, «мусор»!

«Оппозиция» стояла Петухову ещё пары отрезвляющих заходов резинового шланга.

— Начнём, что ли? — склонился над ним Трофименко.

— Так ты уже начал.

Болезненно морщась, Петухов-старший потёр ладонью «ушибленное» плечо.

— Правда, не с того конца...

— Надо было сразу в морду? — тут же «уточнил координаты конца» Трофименко. На этот раз Петухов счёл за лучшее промолчать: видимо, начал уже понимать, что этот «мент» — чересчур прямолинейный для «куртуазной» беседы.

— Будешь говорить?

Трофименко похлопал резиной по ладони.

— О чём? — с опаской покосился на шланг Петухов.

— О том, как вы с сыном обсуждали план изнасилования и убийства несовершеннолетней Котовой.

Петухов помрачнел.

— Ничего мы с ним не обсуждали.

— А твой сын утверждает обратное.

На этот раз подполковник взял в руки не шланг, а протокол допроса, которым и помахал перед носом подследственного.

— Что скажешь?

Вместо ответа Петухов попытался увести взгляд — вместе с головой — от подполковника, но голова — вместе с взглядом — были немедленно и без ненужной куртуазности возвращены Андреевым на место.

— Мне повторить вопрос? — нехорошо, но многообещающе улыбнулся Трофименко.

На этот раз Петухов молчал недолго — секунд пять, не больше.

— Да, сын, там, «нагородил огород»... ну, пацан — что с него возьмёшь... А я сказал ему, что сам разберусь с этой сучкой... чтобы не обижала моего сына... Достала уже, тварь!.. Да и все они, Котовы — сучара на сучаре! Понтов — на козе не объедешь, гниды!

— Ну, и как: разобрался? — ещё ниже склонился над ним Трофименко.

— Разобрался бы, — мрачно усмехнулся Петухов, — да какая-то добрая душа опередила меня...

— А что за милиционер был у вас дома? — «вразрез» подключился Старков. — В тот день, когда Вы решили разобраться с Котовой?

Пытаясь вспомнить, Петухов наморщил лоб и несколько секунд честно «погружался в себя».

— А хрен его знает! Я его первый раз видел. Ко мне много вашего брата навевается. Чуть что — сразу ко мне: меченый, куда денешься! Особенно участковый достал... недоделок!.. А этого я раньше не видел.

— Узнать сможете?

Петухов опять ушёл глазами в сторону — за ответом.

— Не знаю... Темно было... Я ещё выпил хорошо... Да и все вы — на одно лицо!

— А о чём разговор был?

— С сыном?

— С милиционером! — даже не повысил голос Старков: опять увлёкся версией.

Петухов скорчил рожу и развёл руками, вывернув ладони «лицом наружу».

— Так — «печки-лавочки»... Какую-то «пургу гнал»... ну, там, где был, что делал...

— По какому делу?

— А я помню?! — пожал плечами Петухов, словно удивляясь несообразительности следователя. — За какую-то кражу толковал, а за какую, убей Бог, не помню: выпимши был...

— А где ты был в день убийства? — еле дождался своей очереди Трофименко.

Петухов медленно «отклеил глаза» от пола.

— А когда был этот день?

— Позавчера.

Вспоминая, Петухов несколько раз проехался грязной ладонью по заросшей щеке.

— Позавчера?..

Ладонь «собралась уже в обратный путь», как вдруг передумала и звучным шлепком отработала по лбу.

— Так ведь, это... выпивали мы!

— Тоже мне — алиби! — ухмыльнулся подполковник. — Ты каждый день «нажираешься»!

— Да нет же, начальник! — клятвенно обложился руками подследственный. — Позавчера аван давали! Я на стройке работаю, бетонщиком! Двадцатого у нас всегда — аван! Двадцатого — аван, пятого — получка! Можете, у кого угодно, спросить!

— Спросим, не беспокойся.

Трофименко ответ подследственного явно не понравился: «крепкая версия» дала первую трещину.

— И что: весь день пили?

Петухов «засмутился», даже шмыгнул носом.

— Ну, зачем «весь день», начальник?.. Ну-у... после обеда начали... как аван получили...

— После обеда — это ещё в рабочее время? — усмехнулся Старков: расстроенный Трофименко предпочёл отмолчаться.

— Ну, а чё такого? — лишь слегка «оппонировал» Петухов.

— А кто пил?

— Да вся бригада! — повеселел подследственный. — Как «загудели», так и...

— А где «гудели» -то? — тоже развеселился Старков: хоть какое-то разнообразие. — Или, как в песне у Высоцкого: «потом в саду, где детские грибочки, потом не помню: дошёл «до точки»?

— Примерно так, — покривил щекой Петухов. — Начали, как говорится, не отходя...

— От кассы? — хохотнул Старков.

— Нет, от кассы мы отошли, — оценил юмор Петухов. — Начали там же, на строке. Продолжили уже у Маркова — это наш бригадир... Потом перекочевали ко мне, потом гуляли по улице...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.